

На правах рукописи

КОНЬШИН Анатолий Евдокимович

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ДЕРЕВНИ В 1917-1940 гг.**

Специальность 07.00.02. – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования "Удмуртский государственный университет".

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор
Куликов Кузьма Иванович

доктор исторических наук, профессор
Попов Александр Александрович

доктор исторических наук, профессор
Суслов Андрей Борисович

Ведущая организация: ГОУ ВПО "Мордовский государственный университет"

Защита состоится «19» декабря 2006 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 в ГОУ ВПО "Удмуртский государственный университет" по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 411.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО "Удмуртский государственный университет" (426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1).

Автореферат разослан «17» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. История многонационального российского общества не может быть полноценно исследована без локального исторического анализа. Региональная история – значимое направление исследований, позволяющее раскрыть историческую реальность в ее конкретно-историческом проявлении, в среде повседневной жизнедеятельности людей, в рамках их социальной и экономической жизни. Осознавая условность вычленения изучаемых региональных образований из окружающего социума, исследователи исходят из общности и своеобразия их исторического пути. Одним из таких регионов России является Коми-Пермяцкий автономный округ, на протяжении столетий известный как Пермский край, с недавнего времени вошедший в состав нового субъекта Российской Федерации – Пермского края. Актуальным сегодня оказывается поднятие статуса истории Коми-Пермяцкого округа – превращение ее из краеведения в национальную историю народов края.

Особый интерес в изучении региональной истории представляет социально-экономическое развитие деревни. В последние годы эта проблема приобрела значимость вследствие дискуссий о результативности преобразований деревни в 20–30-е гг. XX в., когда советское государство посредством целенаправленных действий попыталось изменить вековой уклад крестьянской жизни. До недавнего времени в исторической науке колхозное строительство считалось единственно верным способом реконструкции деревни и крупнейшим достижением в социально-экономическом преобразовании общества. Сегодня появились новые воззрения, суть которых состоит в том, что предпринятый социальный эксперимент над деревней был изначально бесперспективен, а современные проблемы деревни уходят корнями в 20–30-е гг. XX в. Таким образом, академические дискуссии переходят в область практической политики. Однако и старые, и новые концепции обладают серьезным недостатком — они недостаточно подкреплены региональными данными. Поэтому необходимы исследования, выполненные с позиций современного знания на материалах отдельных регионов России. Это предопределило необходимость исследования социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни.

Объект исследования - коми-пермяцкая деревня - определен рядом обстоятельств. Во-первых, для понимания целостности российского социума следует исследовать его внутреннее устройство, что предполагает изучение структурных элементов – отдельных регионов России. Во-вторых, в контексте истории России региональная история занимает самостоятельную нишу. Она является не только поставщиком фактов из истории отдельного региона в фактологическое пространство общероссийской истории, но и вскрывает сложность устройства российского социума. В-третьих, самостоятельное изучение коми-пермяцкой деревни актуально и для создания целостной социально-экономической истории региона.

Предмет исследования связан с изучением социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни в 1917-1940 гг. Его выбор важен как в

познавательном плане исследования малоизученной страницы в истории коми-пермяков, так и в социальном. Свершившийся факт объединения Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью в единый Пермский край во многом был мотивирован низким уровнем социально-экономического развития Коми-Пермяцкого региона и вытекающими из него современными социальными проблемами. Понимание происхождения этой ситуации является важной миссией историка. Совершенно очевидно, что социально-экономическая история не может быть чисто социальной или чисто экономической. Поэтому для ее осмысления в работе исследуются политические, национальные, культурные, бытовые аспекты жизни коми-пермяков в 20-30-е гг. XX в. Особый акцент сделан на исследовании процессов и последствий кооперативно-колхозного строительства, составивших основное содержание социально-экономических процессов в деревне в исследуемое время.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что рассматриваемый период — 1917–1940 гг. был временем радикальных изменений в стране, в результате которых были реализованы представления большевиков о реформировании деревни. Коми-пермяцкая деревня вследствие как естественных процессов, так и искусственного воздействия стала принципиально иной: она была огосударствлена. Сложившиеся в эти годы социально-экономические основы жизни коми-пермяков детерминировали процессы в крае в последующие годы.

Территориальные рамки ограничены в современных границах Коми-Пермяцкого автономного округа как субъекта Российской Федерации (*до 31 декабря 2007 г.*). Они позволили глубже проникнуть в суть проблем и противоречий аграрного и общественного развития в изучаемые годы, а также выявить национальные и региональные особенности социально-экономических процессов.

Цель исследования состоит в конкретно-историческом изучении социально-экономического развития коми-пермяцкой деревни в 1917–1940 гг. В соответствии с намеченной целью в диссертации поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать социально-экономическое развитие коми-пермяцкой деревни до Октябрьской революции 1917 г. и накануне преобразований 20-х гг. XX в.;
- проанализировать процессы кооперативного строительства в Коми-Пермяцком округе в 1921-1928 гг. и определить его специфику на фоне национально-государственного строительства в СССР;
- исследовать процесс и методы проведения коллективизации крестьянских хозяйств в округе;
- рассмотреть социальные изменения в коми-пермяцкой деревне в связи с процессами политических, экономических, национально-государственных преобразований;
- осмыслить результаты социально-экономических преобразований в жизни коми-пермяцкой деревни и их последствия для исторических судеб коми-пермяков.

Достижение цели исследования возможно благодаря выявлению комплекса опубликованных и неопубликованных **источников**, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

В диссертации использованы материалы съездов РКП(б)—ВКП(б), резолюции партконференций, Пленумов ЦК ВКП(б), директивы. В них сформулирована политика партии по отношению к деревне. Ее практическая реализация в Коми-Пермяцком округе изучена по документам Пермской губернской, Уральской областной и Коми-Пермяцкой окружной парторганизаций. По ним можно проследить продвижение указаний по осуществлению политики коллективизации «сверху вниз», а также обратную информацию¹.

Важными источниками являются законодательные материалы: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР и Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. В них опубликованы законы и официальные документы, служившие основой для коллективизации крестьянских хозяйств. В исследовании использованы инструкции и циркуляры Наркомзема, Наркомфина, Наркомюста, Генпрокуратуры, документы Уральского облсовета и его исполкома, Коми-Пермяцкого окружного Совета и его исполкома, Уралколхозсоюза и Окколхозсоюза².

Значимым источником для темы диссертации являются статьи и выступления руководителей партии и Советского государства В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, поскольку в них излагается политика, идеология преобразований в деревне, а также дается осмысление практики их реализации.

Следует отметить значимость периодической печати 30-х гг. Журналы часто приносят разочарование. Можно пересмотреть годовую подшивку журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», так и не встретив фигуры реального крестьянина! Обстоятельная информация содержится на страницах партийных, общественно-политических («Правда», «Известия»), сельскохозяйственных газет («Социалистическое земледелие» и «Крестьянская газета»). Ценные сведения о коми-пермяцкой деревне содержат областные газеты «Уральский рабочий» (Свердловск) и «Звезда» (Пермь). Значима и другая областная и районная периодика³. Однако содержащаяся в ней статистика нуждается в уточнении.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2-6. М., 1984; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1-2. М., 1957; Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1957; Год социалистического строительства. Материалы к отчету Уральского областного комитета ВКП(б) на X областной партийной конференции. Свердловск, 1929.

² Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов VI созыва - Свердловск, 1929; Отчет о деятельности Уральского облисполкома II съезду Советов Урала. - Свердловск, 1931; Десять лет Коми-Пермяцкого округа. 1925–1935. Материалы к докладу ВЦИК. - Кудымкар, 1935; Отчет о деятельности Коми-Пермяцкого окружного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов IV съезду Советов округа. - Кудымкар, 1932; Материалы к сессии Уралколхозсоюза 15–18 июля 1929 г. - Свердловск, 1929.

³ Газеты: «Правда», «Известия», «Крестьянская газета», «Социалистическое земледелие», «Звезда», «Уральский рабочий», «Горись» («Пахарь»), «Заленинскую национальную политику», «Том большевику» («Молодой коммунист»), районные и многопечатные газеты.

Наиболее важны среди статистических изданий справочники «Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник» (1934, 1935, 1936 гг.). Но последний том этой серии (1939 г.) неадекватно характеризует преобразования в стране, в отличие от справочников 20-х гг. содержит идеологически выдержанные факты. Следует выделить специализированные справочники «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935» и «Сельское хозяйство СССР. Статистический справочник» (1939). В них имеются экономические и технологические сведения, но информация о колхозах во второй пятилетке почти полностью носит приукрашенный характер. Более полезен сборник колхозной статистики «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке» (1939), но в нем отсутствуют сведения о критериях выборки данных при обследовании колхозов и источниках приводимых цифр.

Для изучения состояния сельскохозяйственного производства, обеспеченности техникой и инвентарем в коми-пермяцкой деревне представляют интерес региональные статистические издания.¹ Богатый статистический материал содержится в сборниках документов по истории Урала². В них Коми-Пермяцкий округ выделяется отдельной строкой. Эти издания содержат данные по оценке земель, урожайности, валовым сборам зерна, поголовью скота, уровню коллективизации.

Большую помощь в исследовании проблем кооперирования и коллективизации могут оказать публикации в литературных журналах 1920–30-х гг.³ и художественная литература. Их ценность состоит в том, что авторами статей являлись специалисты народного хозяйства, принимавшие участие в разработке тех вопросов, о которых идет речь в публикации. Они помогают исследователю смотреть на описываемые в статье явления глазами современника-очевидца событий. Это особенно значимо, так как перед историком советского крестьянства встает сложнейшая проблема: почти все источники, совершенно игнорируют самих крестьян и повседневность их жизни.

¹ Колхозы в 1930 г. Стат. сб.-М.-Л., 1931; МТС во второй пятилетке. Стат. сб.-М.—Л., 1939; Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. М., 1960; Социалистическое строительство в СССР.-М., 1934, 1935, 1936, 1939. Сельское хозяйство СССР.-М., 1935; Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке. М., 1939. Цифры побед трудящихся Коми-Пермяцкого национального округа. - Кудымкар, 1939; Справочный материал по развитию Коми-Пермяцкого автономного округа. - Кудымкар, 1992; Статистические бюллетени основных показателей социально-экономического положения Коми-Пермяцкого автономного округа за 1987–2000 гг. - Кудымкар.

² Материалы по оценке земель Пермской губернии. Вып. 4. Пермское Предуралье. - Пермь, 1905; Материалы по районированию Урала. Т. 3.- Екатеринбург, 1923; Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги сельскохозяйственных переписей и выборочных обследований на Урале за 1916–1926 гг. Ч. 2.-Свердловск, 1928; Сельскохозяйственные районы Уральской области. - Свердловск, 1928; Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Стат. сб.-Свердловск, 1932.

³ Лагунов П.Е. Забытый вопрос // Экономика. 1923. № 2–3; Охотничье хозяйство Чердынского района // Там же. № 6; Генкель А.Г. Пермь и область Коми // Там же; Коновалов М.П. Многолабочное строительство в Кудымкарском районе // Пермский кооператор. 1923. № 11; Сельское хозяйство в районах Верхне-Камского округа // Экономика. 1924. № 7; Теплоухов А.Ф. К организации Пермского округа // Экономика. 1925. № 5–6; Петухов И.В. Пермь и кооперация // Там же; Дерябин В.И., Чуистов В.И. Хозяйственный аспект объединения пермяков и зырян // Коми му. 1924. № 11; Теплоухов А.Ф. Пермь и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. - Пермь, 1926; Образцов В.Н. Коми-Пермяцкий округ // Хозяйство Урала. 1927. № 1; Бобров А., Величковский Т. Животноводство в Свердловской области в 1934 г. Коми-Пермяцкий округ // Хозяйство Урала. 1934. № 1–2.

К сожалению, публикуется очень мало мемуаров о жизни села. Тем не менее, следует отметить ценность воспоминаний участников событий 1920-30-х гг. С.В. Голубева и Д.Ф. Ладанова, Ф.Г. Тараканова, дополняющих свидетельства других источников.

Быт крестьян в контексте социально-экономических преобразований в округе изображен в художественных произведениях Ф.Г. Тараканова, А.Н. Зубова, М.П. Лихачева — основоположников коми-пермяцкой литературы и очевидцев кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств¹.

В последние годы появились публикации документов по истории коллективизации на Урале². Есть издания, связанные с переосмыслением процессов в истории деревни в 20–30-е гг.³.

В исследовании использованы архивные материалы. **Российский государственный архив экономики (РГАЭ)**. В исследовании использованы материалы фондов Наркомзема СССР (Ф. 7486; Ф. 396; Оп. 10, 11 («Крестьянская газета», письма в редакцию 1938 и 1939 гг.)). Исследованы фонды Наркомзема РСФСР (Ф.478), Союза сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации (Ф. 7018), Союза союзов сельскохозяйственной кооперации (Ф. 3983) Колхозцентров СССР и РСФСР (Ф. 7446). В них отложились сводные годовые отчеты колхозов Коми-Пермяцкого округа. При анализе документов выявлен факт завышения показателей социально-экономического развития округа (на 8–10%) по сравнению с аналогичными данными окружного архива.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Обследованы фонды Наркомата рабочей и крестьянской инспекции СССР, сельскохозяйственной инспекции (Ф. 374), Союза воинствующих безбожников (Ф. 5407); Центрального совета профсоюзов (Ф. 5451), Наркомата труда (Ф. 5515); Центрального исполнительного комитета (Ф. 3316, Оп. 34, 39 — прошения и жалобы, Оп. 41 — письма о Конституции СССР 1936 г.); Совета национальных меньшинств (Ф. 396), Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ) (Ф. 9479); НКВД (Ф. 393); Секретариата Президиума ВЦИК (Ф. 1235); Административной комиссии при ВЦИК (Ф. 5677).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Для анализа партийной политики в деревне исследованы фонды: Сельскохозяйственный отдел ЦК (Ф. 5, Оп. 4); ЦК КПСС (Ф. 17), Пленумы ЦК (Оп. 2); Политбюро ЦК (Оп. 3); Отдел статистики (Оп. 7); политотделы МТС (Ф. 112); личный архив М.И. Калинина (Ф. 78).

¹ Тараканов Ф.Г. Борьба за округ. - Кудымкар, 1990; Тараканов Ф.Г. Без вины над пропастью. - Кудымкар, 1992; Лихачев М.П. Виль туйот (Новой дорогой). Повесть // Зубов А., Лихачев М. Избранные произведения. - Кудымкар, 1989; Лихачев М.П. Менам зон (Мой сын). Роман // Там же; Зубов А.Н. Виль туй вылёт (По новому пути). Поэма // Там же.

² История коллективизации сельского хозяйства Урала. 1927–1937 гг. Сб. док. и мат.- Пермь, 1973; По пути коллективизации. Сб. док. и мат. - Пермь, 1978.

³ Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы. - Петрозаводск, 1991; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание в 5 т. Т. 1. М., 1999; Т. 2. М., 2000...

Коми-Пермяцкий окружной (КПОГА), Свердловский (ГАСО) и Пермский (ГАПО) областные государственные архивы. В них содержится материал о ходе кооперативного строительства, состоянии и развитии земледелия, животноводства, годовые отчеты колхозов и совхозов. Финансовая и налоговая политика накануне и в период коллективизации изучена по материалам финансовых управлений Коми-Пермяцкого окрисполкома (КПОГА, Ф. 16) и Уральского облисполкома (ГАСО, Ф. 263). Документы этих фондов позволяют проследить социальную направленность налогов: от освобождения хозяйств до экономического удушения и раскулачивания. Фонд Коми-Пермяцкого окружного суда (КПОГА, Ф. 141) содержит материалы о репрессивной политике государства.

В фондах Коми-Пермяцкого окрисполкома (КПОГА, ФФ. 20, 49, 141), Уральского облисполкома (ГАСО, ФФ. 88, 88р, 88/52) исследовались протоколы съездов Советов, заседаний президиумов, решений исполкомов, протоколы комиссий по рассмотрению жалоб крестьян. Здесь сосредоточены отчеты уполномоченных исполкомов о ходе выполнения хозяйственно-политических кампаний, состоянии колхозов. В них отражена практика преобразований в деревне.

Информация о состоянии зернового хозяйства и животноводства округа, урожайности зерновых культур, продуктивности скота, выполнении госзаданий содержится в отчетах, обзорах, докладных записках (фонды Уральского областного земельного управления (ГАСО, Ф. 239), Пермского областного земельного управления (ГАПО, Ф. 1092), Коми-Пермяцкого окружного земельного управления (КПОГА, Ф. 40), Кудымкарского райземотдела (Гакр, Ф. 26), областного статуправления (ГАСО, Ф. 1813), окрстатуправления (КПОГА, Ф. 49), фонда Уралоблплана (ГАСО, Ф. 241)).

Изучены фонды **Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПА ПО) (Ф. 200 – фонд Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б)) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО) (Ф. 4 – фонд окружкома).** Они располагают сведениями по всем аспектам хозяйственной и общественно-политической жизни округа. В них сохранились секретные донесения ГПУ, ОГПУ – НКВД, специальные рапорты особых следователей. Своим источником информации были прошения, жалобы и доносы, посылаемые отдельными гражданами в парткомы, прокуратуру, правительственные учреждения, НКВД, газеты, лично политическим лидерам, особенно И.В.Сталину и М.И.Калинину. Такие письма сохранились в архивах учреждений, куда они были посланы.

В диссертации использованы документы, находившиеся ранее на особом режиме хранения. Это секретные инструкции, циркуляры и распоряжения СНК, НКФ СССР и РСФСР и НКЮ СССР, секретные постановления ЦК РКП(б) — ВКП(б) и принятые на их основе решения и распоряжения Уралобкома ВКП(б) и Уралоблисполкома, Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) и окрисполкома. При характеристике настроений коми-пермяцкого крестьянства, форм и методов коллективизации, организации хозяйственно-политических кампаний использованы сводки райкомов партии в окружком и

сводки Коми-Пермяцкого окружкома партии в Уралобком ВКП(б). При характеристике массового отлива крестьян из колхозов весной 1930 г. использованы секретные спецсводки окротдела ОГПУ.

Этот комплекс источников позволяет исследовать социально-экономическую историю коми-пермяцкой деревни в 1917–1940 гг.

Степень изученности проблемы. История коми-пермяков вообще и социально-экономическая история в частности является слабо изученной темой региональной историографии. Отчасти это объясняется тем, что в Коми-Пермяцком округе долгое время не было научных учреждений и высших учебных заведений. Но это не означает, что региональная социально-экономическая история не попадала в поле зрения ученых. В историографии темы можно выделить несколько периодов, которые отличаются по тематике, источниковедческой базе, содержанию и степени идеологического влияния партии и государства на развитие исторической науки. Для исследований, выполненных в советский период, на первом плане оказывалась идейно-политическая составляющая в описании и объяснении фактов социально-экономической жизни.

Первый период –30-40-е гг. XX в. В это время синхронно с изучаемыми процессами шло их практическое осмысление. По указанию партийных органов были предприняты первые попытки привлечения научных сил страны к изучению хозяйства и истории округа. Подавляющее большинство исследований не являлись историческими по своему содержанию.

В 1930–1931 гг. в округе работала группа свердловских ученых, которая выработала рекомендации и частично претворила в жизнь новые методы организации сельскохозяйственного производства и учета труда в колхозах. По итогам ее работы в округе Н.А. Филатовым была издана монография «Задачи колхозов в организации сельскохозяйственного производства, труда и учета»¹. После принятия «Примерного устава колхозов» в 1935 г. Н.А. Филатов написал еще одну книгу о внедрении севооборотов в колхозах округа². Обе работы являются результатом научных изысканий применительно к условиям округа, написаны доступным для местного населения языком. Рекомендации группы ученых во главе с Н.А. Филатовым базировались на анализе экономики доколхозной деревни и оказали влияние на подъем сельского хозяйства в округе.

Работы Л.А. Кремера, связанные с зоотехническими нововведениями, имеют важное значение и как исторические сочинения. Публикация «Северный комолый скот Коми-Пермяцкого округа и его метизация тагильцами» содержит сведения о КРС Коми-Пермяцкого округа к началу 1920-х гг. Практический результат работ Л.А. Кремера привел к повышению живого веса и удоев местного крупного рогатого скота. Автор считал их

¹ Филатов Н.А. Задачи колхозов в организации сельскохозяйственного производства, труда и учета. - Кудымкар, 1932.

² Филатов Н.А. Севообороты Коми-Пермяцкого округа. - Кудымкар, 1936.

следствием успехов в колхозном строительстве, поскольку опыты улучшения скота в единоличных хозяйствах не ставились¹.

Население округа, хозяйственный и культурный быт коми-пермяков в 1940-е гг. были предметом исследований географа Н.И. Шишкина. Результатом его изысканий стал этнографический очерк «Коми-пермяки», содержащий материалы о занятиях, хозяйстве, быте крестьян, но жанр очерка не позволил сделать обобщений о социально-экономическом развитии коми-пермяцкой деревни².

Заметной публикацией 1940-х гг. стала монография «Коми-Пермяцкий национальный округ», явившаяся результатом работы экспедиции Института географии АН СССР в 1944 г. по изучению природы, населения, хозяйства округа³. В разделе «Сельское хозяйство» М.И. Галицкий проследил тенденции исторического развития этой отрасли. Он более подробно, чем кто-либо до него, осветил развитие сельского хозяйства после Октябрьской революции. Исследователь применил метод сравнения показателей развития округа с аналогичными данными по Уралу, Коми области, Европейскому Северу. Но нараставший партийный и государственный контроль над наукой проявился в том, что автор фиксировал лишь позитивные сдвиги в развитии сельского хозяйства округа и уклонился от анализа проблем переустройства деревни. В отличие от других ученых, М.И. Галицкий справедливо считал, что процесс коллективизации в округе завершился в конце второй пятилетки, когда в руках единоличников оставались незначительные площади посевов, а сами они связывали основную свою деятельность в сфере лесоразработок⁴.

Весьма ценным является юбилейное издание «Десять лет Коми-Пермяцкого округа. 1925–1935 гг.». Оно было подготовлено свердловскими учеными совместно с работниками окрисполкома в форме доклада во ВЦИК в связи с 10-летием округа. В нем анализируется состояние сельского хозяйства в первой половине 1920-х гг. В то же время авторы издания избегали комментариев и оценок происходящих общественно-политических процессов⁵.

Второй период в изучении социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни относится к **50–60-м гг. XX в.** Работы этого периода в большей мере связаны с предметной сферой исторической науки, хотя по-прежнему были политически ангажированы.

Первым и единственным до настоящего времени исследованием по аграрной истории коми-пермяцкой деревни является работа А.Г. Микрюковой-Гонцовой «Партийная организация Коми-Пермяцкого национального округа в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.)»⁶. Автор ввела в научный оборот большой круг источников из фондов Пермского партийного и Коми-Пермяцкого государственного

¹ Кремер Л.А. Северный комольи скот Коми-Пермяцкого округа и его мелиорация тапильцами. - Кудымкар, 1941.

² Шишкин Н.И. Коми-пермяки. Этнографический очерк. - Пермь, 1947.

³ Коми-Пермяцкий национальный округ. - М. - Л., 1949.

⁴ Коми-Пермяцкий национальный округ. - С. 203.

⁵ Десять лет Коми-Пермяцкого округа. 1925-1935. Кудымкар, 1935.

⁶ Микрюкова-Гонцова А.Г. Партийная организация Коми-Пермяцкого национального округа в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.) / Дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. - Молотов, 1951.

архивов. Мнение автора о роли парторганизации в социалистическом преобразовании сельского хозяйства представляется интересной темой для дискуссий. В соответствии с методологией своего времени, автор преувеличивает роль работы партии среди крестьян, считая, что именно она сыграла решающую роль в преобразовании коми-пермяцкой деревни. Фактические данные позволяют усомниться в этом выводе. Парторганизация округа в тот период объединяла не более 500 человек и на 9/10 состояла из бедняков, политический уровень которых не мог быть выше окружающей их крестьянской массы. Поэтому влияние парторганизаций на местах было весьма незначительным. Вполне объяснимо А.Г.Микрюкова-Гонцова обходит вниманием массовые репрессии при раскулачивании, хлебозаготовках, сборах налогов и направлениях на лесоразработки. За пределами предмета исследования осталось раскулачивание налогами, массовая гибель людей в 1933–1934 гг. из-за чрезмерного изъятия хлеба в счет хлебозаготовок, функционирование спецпоселков.

Ряд вопросов состояния сельского хозяйства, кооперативного строительства и коллективизации крестьянских хозяйств в округе рассмотрен в диссертации Д.И. Гусева «Коми-пермяки в период капитализма и в годы советской власти. Историко-этнографическое исследование»¹. Часть материалов этой работы была опубликована в журнале «Вопросы истории»². Историко-этнографический характер исследования не позволил детально анализировать указанные проблемы. Ценность исследованию придает очерк о развитии сельского хозяйства в коми-пермяцкой деревне до и после революции, основанный на источниках, изученных автором в КПОГА. Изучение хода восстановительных процессов в коми-пермяцкой деревне дало возможность автору говорить об их завершении в крае лишь в 1928 г., а также сделать вывод о том, что сельскохозяйственная кооперация в производстве сельскохозяйственной продукции играла незначительную роль. Кредитная и снабженческо-сбытовая кооперации, получившие в округе наибольшее распространение, создали условия для более быстрого подъема сельского хозяйства. Д.И. Гусев пришел к выводу о том, что в коми-пермяцкой деревне коллективизация завершилась в 1937 г, а не в 1934, как полагала А.Г. Микрюкова-Гонцова³. Важный акцент в его работе сделан на анализе форм и методов сопротивления кулачества в ходе коллективизации, индивидуальном терроре, групповом сопротивлении крестьян, но причины этих явлений не анализируются.

Хозяйственная и политическая жизнь в округе исследованы в работах М.А. Чугаева⁴. Хотя предмет его изысканий связан с проблемами

¹ Гусев Д.И. Коми-пермяки в период капитализма и в годы Советской власти. Историко-этнографическое исследование: Дисс... канд. ист. наук. М., 1955.

² Гусев Д.И. Коми-пермяки // Вопросы истории. 1973. № 6.

³ Гусев Д.И. Коми-пермяки в период капитализма и в годы Советской власти. - С. 419.

⁴ Чугаев М.А. К вопросу о создании местных кадров в Коми-Пермяцком округе // Уч. зап. ПГУ. Т. 25. Вып. 3. -Пермь, 1963; К вопросу об образовании Коми-Пермяцкого национального округа // Уч. зап. ПГУ. № 133. -Пермь, 1965.

национально-государственного строительства коми-пермяков, отдельные статьи представляют интерес для настоящего исследования. В статье «К вопросу о создании местных кадров в Коми-Пермяцком округе» автор размышляет о проблемах подготовки руководящих кадров в первые годы существования округа, освещает вопросы комизации как официальной государственной политики, уделяя особое внимание оценке кадровой политики Уралобкома партии в округе. Им опубликованы работы, в которых дана оценка Первой окружной партконференции и Первому съезду Советов округа в определении перспектив хозяйственного и культурного строительства Коми-Пермяцкого округа¹.

Правовые аспекты организации Коми-Пермяцкого округа и функционирования его аппарата управления в 1920-е гг. осветила в своих работах Е.М. Широкова. Основываясь на материалах местных архивов, исследовательница проанализировала деятельность Советов и органов государственного управления по руководству хозяйственным и культурным строительством в округе².

В развитии **третьего периода** изучения исследуемой темы (70-80-е гг.) представляют ценность обобщающие работы С.И. Пономарева об истории автономии коми-пермяцкого народа. Им рассматривалась практика ликвидации экономической отсталости коми-пермяцкой деревни и руководства этими процессами органами власти. Основываясь на источниках, С.И. Пономарев создал очерк социалистического переустройства деревни³. В соответствии с исследовательскими подходами своего времени, С.И. Пономарев сделал вывод о том, что коллективизация явилась единственно правильным путем движения коми-пермяцкой деревни к социализму, а образование Коми-Пермяцкого округа – великая победа коми-пермяков.

Ряд аспектов социально-экономических преобразований в коми-пермяцкой деревне в 1920-30-е гг. освещен в исторических очерках «Коми-Пермяцкий национальный округ»⁴. Глава «Восстановление народного хозяйства в 1921–1925 гг.» написана М.А. Чугаевым. Автор ввел в научный оборот материалы о НЭПе, кооперации, хозяйственном строительстве в крае. Но ряд выводов в этой работе небесспорен. Так, оценивая разруху 1921 г., автор ставит ее в вину колчаковцам⁵. О тех же действиях со стороны Красной Армии он умалчивает. За рамками исследования осталась оценка социально-

¹ Чугаев М.А. Первый Коми-Пермяцкий окружной съезд Советов // Наш край. Вып. 2. - Кудымкар, 1966; Первая Коми-Пермяцкая окружная партийная конференция // Наш край. Вып. 3. - Кудымкар, 1967; Первый ответственный секретарь окружкома партии А.Ф. Караваяев // Наш край. Вып. 5. - Кудымкар, 1979.

² Широкова Е.М. К вопросу об образовании Коми-Пермяцкого национального округа и деятельности его государственного аппарата // Уч. зап. ПГУ. № 173. - Пермь, 1968.

³ Пономарев С.И. Национальная государственность коми-пермяцкого народа. (История создания Коми-Пермяцкого национального округа и деятельность его государственного аппарата.) 1925–1940 гг.: Дисс... канд. ист. наук М., 1970.

⁴ Коми-Пермяцкий национальный округ. Ист. очерки. - Пермь. 1977.

⁵ Коми-Пермяцкий национальный округ... - С. 102.

экономических последствий недорода 1921 г. и террора в продналоговую кампанию. Глава «Округ в период развернутого строительства социализма» (1926–1941 гг.) написана коллективом авторов во главе с Г.Т. Бачевым. В этом разделе исследован ход строительства социализма в коми-пермяцкой деревне и подведены итоги первой и второй пятилеток. Они состоят в том, что созданная колхозная система всецело удовлетворяла и колхозников, и государство, ибо «она привела коми-пермяков в социализм»¹. Этот тезис нуждается в переосмыслении на новой источниковедческой и методологической основе.

Второе издание предыдущей книги «Коми-Пермяцкий автономный округ. Страницы истории»², к сожалению, не смогло отойти от оценочных стереотипов, сложившихся в советской историографии по отношению к процессам коллективизации.

Большой материал по социально-экономическому преобразованию деревни в 1920–30-е гг. вводился в научный оборот на страницах местного журнала «Наш край». В статьях Н.И. Бусова, Г.В. Кривошекова, Г.А. Тронина³ освещалось развитие потребкооперации и, в меньшей степени, сельхозкооперации. Становление и функционирование сельхозкооперации нашли отражение в статьях Н.И. Щербининой, А.В. Голубева, Ф.Г. Тараканова и Г.К. Кониной⁴. Следует подчеркнуть односторонний характер оценки ими сельхозкооперации.

Значимой темой на страницах журнала «Наш край» стали статьи о коллективизации. Часть публикаций носила мемуарный характер (А.В. Голубев, М.А. Кривошеков, Ф.Г. Тараканов). В разные годы на страницах журнала свою позицию излагали Ф.М. Вилесов, Г.К. Конин⁵. Особо следует отметить работы Г.К. Кониной, в которых сосредоточен фактический материал из фондов КПОГА и музея. Но его выводы являются типичными для исследований советской исторической науки 1970-х гг.

Вопросы экономической истории округа, отдельных отраслей экономики подняты в статьях Э.И. Зверевой, В.В. Частикова, В.В. Боталова, Г.К. Кониной⁶. Эти исследования также опирались на широкий комплекс источников, отложившихся в КПОГА.

¹ Коми-Пермяцкий национальный округ... - С. 132.

² Коми-Пермяцкий автономный округ. Страницы истории. - Кудымкар, 1988.

³ Бусов Н.И. Потребительская кооперация в округе // Наш край. Вып. 4. - Кудымкар, 1970; Кривошеков Г.В. Этапы большого пути. Там же; Тронин Г.А. Добрые перемены. Там же.

⁴ Щербинина Н.И. Становление // Наш край. Вып. 4. - Кудымкар, 1970; Голубев А.В. Истоки коллективизации // Наш край. Вып. 5. - Кудымкар, 1979; Тараканов Ф.Г. Как это было // Наш край. Вып. 6. - Кудымкар, 1989; Конин Г.К. Крутой поворот. Там же.

⁵ Теплоухов А.И. От первых коммун // Наш край. Вып. 4. - Кудымкар, 1970; Кривошеков М.А. Из истории колхоза «Заря будущего» // Наш край. Вып. 5. - Кудымкар, 1979; Голубев А.В. Истоки коллективизации. Там же; Тараканов Ф.Г. Борьба за округ. Воспоминания. Кудымкар, 1990; Вилесов Ф.М. Механизаторские кадры в коми-пермяцкой деревне // Наш край. Вып. 3. - Кудымкар, 1967; Конин Г.К. Крутой поворот // Наш край. Вып. 6. 1986.

⁶ Зверева Э.И. Электрификация округа // Наш край. Вып. 4. - Кудымкар, 1970; Частиков В.В. Развитие связи в округе // Наш край. Вып. 5. - Кудымкар, 1979; Боталов В.В. Из истории развития лесной промышленности // Наш край. Вып. 4. - Кудымкар, 1970; Конин Г.К. Лесная промышленность округа за годы Советской власти // Наш край. Вып. 5. - Кудымкар, 1978; Дворсон Л.Г. Общественный деятель края Ф.Г. Тараканов // Там же.

В рассматриваемый период осуществлялась практика юбилейных изданий к годовщинам образования округа. Их стилистика совпадала с идеологическими установками времени, хотя и в таком виде они содержат важный аналитический и фактический материал по экономической и социальной истории региона¹.

С начала 1990-х гг. в изучении социально-экономической истории округа наступил **новый этап**. Он связан с открытием в округе исследовательских учреждений, которым удалось объединить научные силы для систематического изучения истории и культуры коми-пермяцкого народа. В 1991-1994 гг. проведены научные конференции «История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе», материалы которых содержат публикации о значении МТС, политотделов, о совхозах, практике хлебозаготовок, в которых высказываются иные выводы, чем было принято в 60–80-е гг. Исследованию проблем аграрной истории округа посвящены статьи Л.П. Вавилина, А.А. Борисова, А.Е. Коньшина, Д.Ф. Федосеева, В.Н. Епихина, А.С. Савельева². Возможность привлечения новых источников и расширение методологических подходов в изучении социально-экономических процессов позволила авторам переосмыслить значение НЭПа в судьбах коми-пермяцкого крестьянства, роль кооперативного строительства и коллективизации. Ученые пытаются разобраться в политике правительства по отношению к кулакам, единоличникам и спецпереселенцам.

Вопросы истории коми-пермяцкой деревни освещались в литературе непосредственно не связанной с ее специальным изучением. В книге «Коми-Пермяцкий сельскохозяйственный техникум» помещен очерк о состоянии

¹ Двадцать пять лет Коми-Пермяцкого округа. - Кудымкар, 1950; Сорок лет Коми-Пермяцкого национального округа. - Пермь, 1965; Новь Коми края (К 60-летию Коми-Пермяцкого автономного округа). - Пермь, 1985.

² Вавилин Л.П. К вопросу о первых шагах национальной государственности коми-пермяков // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. - Кудымкар, 1993; Борисов А.А. Состояние сельского хозяйства и социальная структура гайнской деревни во второй половине 20-х годов // Там же; Борисов А.А., Коньшин А.Е. Кооперативное строительство в Гайнском районе // Там же; Коньшин А.Е. Роль сельскохозяйственной кооперации в преобразовании коми-пермяцкой деревни // Всерос. научно-пр. конф. в Сыктывкаре, май 1991 г.: Тез. докл. - Сыктывкар, 1991; Коньшин А.Е. Роль машинно-тракторных станций в преобразовании коми-пермяцкой деревни. - Кудымкар, 1992; Коньшин А.Е. К вопросу о социально-экономическом преобразовании коми-пермяцкой деревни: практика хлебозаготовок 1931/1932 гг. // Мат. рег. научно-пр. конф. в Кудымкаре, май 1992 г. - Кудымкар, 1993; Коньшин А.Е. Трагические страницы в истории коми-пермяцкого народа: голод 1933–1934 гг. Там же; Федосеев Д.Ф. К вопросу о завершении коллективизации крестьянских хозяйств в Косинском районе // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. - Кудымкар, 1993; Епихин В.Н. Малоизвестные страницы истории объединения пермяков и зырян // Там же; Савельев А.С. Некоторые проблемы социально-экономического и культурного развития Коми-Пермяцкого округа в 60-е годы - первой половине 80-х годов // Там же; Мехоношина Н.Г. Современное кооперативное движение в округе // Мат. респ. научно-пр. конф.; май 1992 г. - Кудымкар, 1993.

сельского хозяйства округа в 1920–30-е гг.¹. Г.Т. Бачев в книге «Новой дорогой» об истории просвещения в округе в 1917–1980 гг. косвенно обращается и к тематике развития сельского хозяйства². Фактический материал сконцентрирован в сборниках о Коми-Пермяцкой окружной партийной и комсомольской организациях³.

В целом одним из спорных вопросов региональной историографии является время завершения коллективизации. Так, А.Г. Микрюкова-Гонцова, Г.Т. Бачев, М.А. Чугаев заключили, что это - 1934–1935 гг. Следовательно, исключались как объект исследования 7 тыс. крестьянских хозяйств (19%), оставшихся вне колхозов. С таким выводом не согласна М.А. Иванова. Она считает временем завершения коллективизации конец второй пятилетки, когда остались вне колхозов 1,5–2% крестьянских хозяйств. Они не могли рассматриваться в качестве объекта коллективизации, т.к. порвали связь с сельским хозяйством и перешли на работу в лесную промышленность⁴.

Коми-Пермяцкий округ как составная часть исторического Урала не мог не испытывать на себе общих тенденций, характерных для социально-экономического развития региона. Округ не относился к зерновым районам Урала и потому не привлекал внимания исследователей, хотя ряд аспектов истории коми-пермяцкой деревни рассматривается Н.В. Ефременковым, М.А. Ивановой, В.А. Швечиковой⁵. Так, в работе Н.В. Ефременкова «Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства на Урале в 1917–1932 гг.» исследовано лишь два факта из истории коми-пермяков⁶.

В 1920–30-е гг. административно округ входил в состав Уральской области. Поэтому интересен обобщающий труд «История народного хозяйства Урала». Его первая часть охватывает события 1917–1945 гг.⁷, весьма обстоятельно излагая фактический материал по истории подъема сельского хозяйства в период НЭПа и коллективизации на Урале.

Историографическое обоснование диссертации было бы неполным без анализа исследований по социально-экономической истории коми и удмуртов

¹ Сторожев Н.П. Коми-Пермяцкий сельскохозяйственный техникум. - Кудымкар, 1976.

² Бачев Г.Т. Виль туйот (Новой дорогой). - Кудымкар, 1982.

³ Коми-Пермяцкая окружная организация КПСС. Хроника. - Пермь, 1984; Коми-Пермяцкая окружная организация ВЛКСМ. 1918–1988. Хроника. - Кудымкар, 1988.

⁴ Иванова М.А. Завершение коллективизации крестьянских хозяйств на Урале. (1932–1937 гг.) // Исследования по истории Урала. Вып. 1.-Пермь, 1970.

⁵ Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917–1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 1. - Свердловск, 1966; Иванова М.А. Некоторые материалы о состоянии единоличного крестьянского хозяйства на Урале накануне завершения коллективизации // Уральский археологический ежегодник за 1972 год. - Пермь, 1974; Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931–1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 2. - Свердловск, 1968; Иванова М.Л., Швечикова В.А. Деятельность партийных организаций Урала по созданию политических и экономических предпосылок массовой коллективизации сельского хозяйства (1927–1929 гг.) Дис... канд. ист. наук. Свердловск, 1973.

⁶ Ефременков Н.В. Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства на Урале в 1917–1932 гг.: Дис... докт. ист. наук. Свердловск, 1969.

⁷ История народного хозяйства Урала (1917–1945). Часть 1.-Свердловск, 1988.

- близкородственных коми-пермякам этносов, что не могло не сказаться на общности менталитета, оценочных суждениях крестьян по поводу процессов в деревне в 1920-30-е гг. Исследовательский опыт ученых соседних регионов важен и в сравнительно-историческом аспекте.

Развитию кооперации в Северном крае до начала массовой коллективизации посвящена работа В.А. Дмитриевой¹. Исследование Г.Ф. Доброноженко рассматривает методы проведения сплошной коллективизации в северной деревне. На основе рассекреченных в последнее время архивных материалов автор исследует историю разработки планов коллективизации и политики ликвидации кулачества как класса, формы экономического принуждения, роль репрессивных методов, место и роль раскулачивания в процессе социалистического преобразования северной деревни².

Социально-экономические преобразования коми деревни обстоятельно рассмотрены в работах В.Н. Давыдова, Л.С. Шабаловой, А.Ф. Сметанина. Особого внимания заслуживает фундаментальное исследование "История коми"³. Процессы, проходившие в 1920–30-е гг. в Удмуртии, составляли предмет научных изысканий К.И. Шибанова и К.И. Куликова⁴. Следует особо подчеркнуть стремление авторов, в особенности А.Ф. Сметанина и К.И. Куликова, не избегать обсуждения острых проблем социально-экономической истории, в том числе оценок реконструктивных процессов 20–30-х гг. Для настоящего исследования интересны наблюдения удмуртских исследователей в монографии работе «История Удмуртии: XX век»⁵.

Исследуя региональный аспект преобразований в коми-пермяцкой деревне, автор не мог не обратиться к опыту в изучении темы, сложившемуся в отечественной историографии. Усилиями В.П. Данилова, С.П. Трапезникова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, Л.Ф. Морозова, Ю.А. Полякова, В.П. Д митренко выявлены многие стороны реконструктивных

¹ Дмитриева В.А. Деятельность КПСС по развитию сельскохозяйственной кооперации на Европейском Севере СССР до начала массовой коллективизации. 1917–1928 гг. - Вологда, 1974.

² Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932 гг. - Сыктывкар, 1994.

³ Давыдов В.Н. Подготовка и начало массовой коллективизации в Коми области (1926–1929 гг.). - Сыктывкар, 1959; Шабалова Л.С. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в коми деревне // Межвузов. сб.: Актуальные вопросы истории крестьянства Европейского Севера. - Сыктывкар, 1982; Сметанин А.Ф. Коми деревня в 20–30-е годы // История родного края. - Сыктывкар, 1994; История коми в двух томах. Ред. А.Ф. Сметанин. - Сыктывкар, 2004.

⁴ Шибанов К.И. Социалистическое преобразование удмуртской деревни (1927–1937 гг.); Дис. докт. ист. наук.-Пермь, 1969; Куликов К.И. Коллективизация и запрещение деятельности органов общественного самоуправления восточно-финских народов // Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. - Ижевск, 1993.

⁵ История Удмуртии: XX век. Под ред К.И.Куликова. Ижевск, 2005. С.128-133.

процессов 1920–30-х гг.¹. Проблемы социалистических преобразований в российской деревне в 1920–30-е гг. в настоящее время по-прежнему являются предметом оживленной дискуссии. В центре ее внимания место и значение кооперации, вопросы о сущности НЭПа и причинах ее гибели, проблемы политики коллективизации и методов ее осуществления, изменения крестьянского менталитета. Актуальность дискуссии придает как складывающийся в исторической науке методологический плюрализм, так и расширение источниковедческой базы за счет закрытых ранее архивных материалов, позволяющих переосмыслить выводы исследований предыдущего периода.

В этих условиях в последние годы появилось много статей, освещающих реконструктивные процессы². Крупные монографии, посвященные колхозам 30-х гг., принадлежат М.А. Вылцану³. Раскулачивание стало темой фундаментальных трудов Н.А. Ивницкого⁴. М.А. Вылцан и Ю.В. Арутюнян подняли значимую тему о колхозном населении и его миграции из села в город⁵. Содержательны работы И.Е. Зеленина о колхозах в первой половине 30-х гг.⁶. Существенным расширением методологии изучения аграрной

¹ Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к НЭПу. 1921–1924 гг.-М., 1971; Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф. и Погудин В.И. Партия и кооперация. - М., 1978; Морозов Л.Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. - М., 1969; Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. - М., 1967; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура и социальные отношения. - М., 1979; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР.- М., 1957; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. - М., 1974; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. 1929–1932 гг.-М., 1972; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. № 3.

² Бордюгов В.А., Козлов В.А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8; Борисов Ю.С. Эти трудные 20–30-е годы // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. - М., 1989; Ханин Г.И. Как скончался НЭП? // Родина. 1991. № 4–5; Данилов В.П. 20-е годы: НЭП и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. - М., 1988; Зеленин И.Е. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса // История СССР. 1990. № 6; Зеленин И.Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2; Дмитриенко В.П., Данилов В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба // Урок дает история. - М., 1979; Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3.

³ Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937 гг.). - М., 1978; Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). - М., 1970.

⁴ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). - М., 1972; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). - М., 1996.

⁵ Вылцан М.А. Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы (1935–1940 гг.) // Вопросы истории. 1973. № 2; Арутюнян Ю.В. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.). - М., 1964.

⁶ Зеленин И.Е. Колхозное строительство в СССР в 1931–1932 гг. // История СССР. 1960. № 6; Зеленин И.Е. Колхозы и сельское хозяйство СССР в 1933–1935 гг. // История СССР. 1964. № 5. Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник. 1933 — I половина 1945 г. // Отечественная история. 1993. № 3.

истории стало исследование крестьянского менталитета В.П.Даниловым и Л.В.Даниловой¹.

Историография темы развивается в регионах России. К числу таких исследований можно отнести работы Н.Я. Гущина по сибирской деревне, Л.А. Денисовой по Нечерноземью².

Российские ученые получили возможность публиковать засекреченные ранее архивные материалы, посвященные таким щекотливым темам, как раскулачивание и голод 1932–1933 гг., объем подобных публикаций постепенно растет³.

Благодаря развитию международных контактов, российским ученым стали доступны исследования зарубежных историков. Заметные работы принадлежат Р.У. Дэвису, М. Левину, Л. Виола, Р. Конквесту. Социальную историю советской деревни исследовала английский историк Ш. Фицпатрик. Работа «Великая крестьянская война в СССР» американского исследователя А. Грациози исследует взаимоотношения Советского государства и крестьянства⁴. Тема НЭПа и коллективизации рассматривается в монографии Н.Верта «История советского государства»⁵.

В настоящей работе не ставится задача всеобъемлющего анализа российской и зарубежной литературы, вышедшей по рассматриваемым проблемам. Это тема специального исследования. Тем не менее, следует отметить, что в современной историографии аграрной истории процессы 1920–30-х гг. подвергаются переосмыслению, отрицаются достижения в развитии аграрного сектора, фактически приведшие к раскрестьяниванию деревни. При этом насилие признается как основное средство реализации государственной политики.

¹ Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община //Менталитет и аграрное развитие России. XIX – XX вв. М., 1996. С.22-40.

² Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. - Новосибирск, 1973; Гущин Н.Я. (вместе с Е.В. Кошелевой и В.Г. Чарушиным). Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941).-Новосибирск, 1975; Денисова Л.А. Исчезающая деревня России. - М., 1996.

³ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. - М., 1989; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6; Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании (Документальный очерк) // Кентавр. 1992. Март — апрель.

⁴ Davis R. U.: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929-1930.-Cambridge, Mass., 1980; The Soviet Collective Farm, 1929-1930. Cambridge, 1980; Он же. Советская экономика в период кризиса // История СССР. 1991. № 4; Levin M.L. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. London, 1968; Viola L.: Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization.-Oxford, 1987. Conquest R.: The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine.-Oxford, 1986; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. Avtorkhanov A.: The Soviet Type of Colonialism. Printed in Germani by Prometheus. Verlag, 1988; Автроханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990; Smith A. The Ethnic Revwal. Cambridge. 1981.

⁵ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1998.

Методология и методы исследования. В выборе методологических подходов к исследованию социально-экономического развития коми-пермяцкой деревни автор исходит из того, что определение смысла любого исторического явления невозможно без учета локальных особенностей того общества, в котором оно укоренено. Определение этих особенностей не может быть дано без использования понятий и концепций, отражающих характеристики устройства общества и закономерности его развития. Поэтому для понимания социально-экономических процессов в коми-пермяцкой деревне значимую роль приобретает категория «локально-историческое», позволяющая рассматривать события локальной истории как один из аспектов развития единого исторического процесса. При этом она направлена на выявление конкретных фактов и предполагает проведение исследования через изучение деталей явлений, событий, ситуаций, что на уровне всеобъемлющей истории позволит выявить общую картину исторического развития.

Региональная история нацеливает на изучение локальной общности как развивающегося социального организма, что требует изучения демографических характеристик, социальной и географической мобильности, локальных политических структур и социально-культурных представлений. Локальная история отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования социальной среды в широком смысле слова. Она включает исторический ландшафт, отражающий физическую реальность локального мира, микрокосм общины, многообразие человеческих общностей, и выявляет их соотношение между собой¹. Важными для раскрытия категории «локально-историческое» представляются понятия «экономическое явление» как факт хозяйственной жизни людей, и «социальное явление» как группа или слои общества, принципы взаимодействия между ними, социальными институтами – основными учреждениями и устойчивыми правилами, в соответствии с которыми регулируется жизнь общества².

В качестве теоретико-методологического основания для насыщения данных понятий и категорий исторической конкретикой послужили идеи, сформулированные в историографии аграрной истории России В.П. Даниловым, В.Н. Давыдовым, Н.А. Ивницким, М.А. Вылцаном, И.Е. Зелениным, В.Н. Земсковым³. В частности при объяснении социально-

¹ Барг. М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. с.26.

³ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Он же. Изучение истории советского крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М., 1972; Он же. Коллективизация и раскулачивание. М., 1996; Он же. Коллективизация сельского хозяйства: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935-1937 гг.). М., 1978; Он же. Укрепление МПБ колхозного строя во второй пятилетке (1933-1937 гг.). М., 1959; Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933- I пол. 1945 г.) // Отечественная история. 1993. № 3; Он же. О некоторых белых пятнах завершающего этапа сплошной коллективизации // Истории СССР. 1989. № 2; Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11; Он же. Судьба кулацкой ссылки (1930-1954 гг.) // Отечественная история. 1991. № 1.

экономических процессов в коми-пермяцкой деревне использован тезис о том, что «индустриализация и модернизация страны, осуществляемые форсированными темпами и в невероятно сжатые сроки, совершались в условиях неизжитости огромных пластов докапиталистических отношений в общественном строе, от экономики до духовной сферы»¹.

Реализация этого подхода при изучении социально-экономических явлений в истории коми-пермяцкой деревни осуществлена на основе проблемно-хронологического подхода и нашла свое отражение в конкретных методах исторического исследования. Наиболее значимым оказался генетический метод, позволяющий выявить причинно-следственные связи между явлениями в истории коми-пермяцкой деревни. Сравнительный метод открывает возможность изучения общего и особенного в социально-экономической истории коми-пермяков в 20-40 гг. XX в. Социально-экономическая история требует привлечения количественной методологии. В исследовании используются методики создания систем количественных показателей социально-экономических явлений, группировки и анализа статистического материала, сложившиеся в изучении аграрной и социальной истории России².

При этом следует подчеркнуть, что в клиометрических исследованиях советской социально-экономической истории обычно за основу принимался отдельный колхоз или предприятие. Это не в полной мере позволяет рассмотреть индивидуальность человека с его уровнем образования, квалификацией, социальным статусом, ценностными ориентирами, трудовыми установками. Для устранения этого недостатка в исследовании применяется понятие "социально-территориальное образование", использованное в исследованиях по экономике Коми-Пермяцкого округа Е.В.Ширинкиной³. Оно означает среду обитания человека, формирующую его жизненный уклад, с соответствующей иерархической структурой управления. Деятельность человека рассматривается в разных иерархических структурах, начиная с личного подсобного хозяйства и заканчивая окружным сообществом. Социально-территориальное образование является самовоспроизводящей и открытой системой, оно стремится к сокращению затрат труда на производство благ для жизнеобеспечения. Для исследуемого периода характерно усиленное воздействие государства на эту систему.

Научная новизна исследования.

1. Обоснована концепция этатизации коми-пермяцкого крестьянства в процессе коллективизации. 2. Определены основные этапы процесса коллективизации в коми-пермяцкой деревне. 3. Исследована роль

¹ Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община //Менталитет и аграрное развитие России. XIX – XX вв. М., 1996. С.23-24.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

³ Ширинкина Е.В. Репрезентативность трудовых показателей в системе управления социально-территориальным образованием. – Автореф... дисс. канд. эк. наук. Ижевск, 2002. С. 6-7; Васькин Д.Г. Взаимосвязь социально-экономического развития и бизнес-планирования в институциональной экономике высокостатусных социально-территориальных образований / Автореф... дис. канд. эк. наук. Ижевск, 2006. С. 8.

руководителей разных уровней в различных ситуациях в государственном и кооперативно-колхозном строительстве. 4. Раскрыта технология ускорения темпов коллективизации: роль налогообложения, применение «подсистемы страха», военно-репрессивные формы, психологическое давление на крестьян. 5. Проанализирован комплекс социально-экономических условий и факторов, способствовавших внедрению колхозной формы хозяйствования. 6. Выявлены причинные связи между формой государственности малочисленных народов и результатами их социально-экономического развития. 7. По отношению к истории коми-пермяцкой деревни введено понятие «социально-территориальное образование». 8. В научный оборот введены новые источники по социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни 1920-40-х гг. XX в.

Практическая значимость. Исследование вводит в научный оборот новые источники, выявляет исторические факты, раскрывающие содержание социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни 1920-30-е гг. Они представляют интерес для развития региональной историографии при создании целостной истории коми-пермяцкого этноса и всего Пермского края. Результаты исследования могут быть использованы в работах по аграрной истории региона и страны. Они имеют также педагогический и дидактический смысл в преподавании дисциплин национально-регионального компонента в учебных заведениях округа и Урала. Исторический опыт коми-пермяцкой деревни, исследованный в диссертации, может быть востребован для выработки современной национальной и социально-экономической политики в Пермском крае.

Апробация результатов исследования. Идеи, изложенные в диссертации, прошли апробацию в монографии "История коми-пермяцкого крестьянства. 1917-1940 гг." (2004), в 86 публикациях автора, а также обсуждены на международных, общероссийских и региональных научных конференциях и симпозиумах.

Структура диссертации. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обоснована актуальность темы, охарактеризована степень ее разработанности, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки, цель и задачи исследования, дано их источниковедческое и методологическое обоснование, подчеркнута научная новизна и практическая значимость диссертации.

Первая глава «Социально-экономическое развитие коми-пермяцкой деревни до Октябрьской революции и накануне преобразований 20-х гг. XX в.» состоит из четырех разделов. В *первом разделе* рассматриваются природные факторы, обусловившие специфику социально-экономического развития Пермского края. Подчеркивается, что главными физико-географическими причинами, оказавшими влияние на исторические процессы в регионе, стали: умеренно-континентальный климат, при котором

атлантические воздушные массы зимой несут снег и потепление, летом – дождливую и холодную погоду, арктический воздух приносит зимой сильные морозы, а в теплое время года – заморозки. Лето в регионе короткое, зима суровая, рано устанавливается снежный покров. В южной части Пермского края дерново-подзолистые, суглинистые почвы, в северной – подзолистые. 80% территории покрыто елово-пихтовыми лесами. В крае насчитывается свыше 5000 рек, относящихся к северной части Камского бассейна. Самая большая из них р. Кама. Имеется около 40 озер. Огромная территория округа, 150 тыс. га, занята болотами, 85% которых находятся в северной части края. В целом для Пермского края характерны неблагоприятные климатические условия с преобладанием малоплодородных подзолов и заболоченных почв, в сочетании с малоэффективной системой земледелия.

В разделе дается краткий очерк истории освоения региона, что важно для понимания социально-экономических процессов. Значимым для истории коми-пермяков стало военное покорение Москвой Перми Великой в 1472 г., в ходе которого была уничтожена часть коми-пермяков, взята в плен и угнана в Москву родовая верхушка, разорены поместья местной знати, проводившей независимую политику. Местные князья были отстранены от власти, были ликвидированы остатки политической независимости территории и в 1505 г. установлен институт периодически сменяемых наместников. В середине XVI в. земли южных пермяков были пожалованы Строгановым, северные пермяки остались государственными крестьянами. Основным занятием вотчинных и государственных пермяков являлось земледелие и как подспорье – охота, которая в основном была развита в северной лесной части края. Рыболовство и пчеловодство товарного значения не имели.

В период развития промышленности на Урале в XVIII в. в Пермском крае Строгановыми были построены заводы, на которых крестьяне отработывали оброк на куренных работах, соляных промыслах, добыче, доставке руды и дров. Самой тяжелой считалась караванная повинность. Население края увеличивалось за счет притока русских и вследствие естественного прироста: в 1857 г. в Пермской губ. насчитывалось 62 тыс. пермяков, в 1897 г. – 92 тыс. человек.

Характер хозяйственной деятельности, специфика природных факторов предопределили значимую роль общины у коми-пермяков. Крестьянское самоуправление сохраняло свое значение вплоть до социальных потрясений начала XX в. Оно проявлялось на двух уровнях: сложная община – волость и простая община-деревня. Деревенские миры функционировали в рамках волостной общины, которая являлась фискальной, поземельной и административной организацией. Главным органом крестьянского самоуправления был сход – сельский и волостной. Первый состоял из крестьян-домохозяев и выбранных десятников, второй формировался на принципах представительства: по одному домохозяину от каждых десяти дворов и сельские и волостные должностные лица. Волостной сход большинством голосов принимал приговор, который был обязателен для выполнения. В Пермском крае имелись 28 волостей, в которых функционировали по 6-7 сельских обществ. Государство устраивала такая

система управления, т.к. не требовалось средств на содержание штата госаппарата.

На формирование характера коми-пермяков влияли природная среда, экономические и социальные факторы. Все они к XX в. складывались не в пользу пермяков. Из финских народов: зырян, удмуртов и пермяков – последние оказались в наименее благоприятных условиях, что определило уровень социально-экономического развития пермяцких территорий к моменту Октябрьской революции. По сообщениям современников, у пермяков менее чем у зырян, были развиты ремесла и торговля. Из характерных черт пермяка они отмечали трудолюбие, настойчивость, упрямство, подчеркивая, что пермяк остался рабом природы, и в этом мера его творческих сил.

Во *втором разделе* анализируются процессы советизации края, последовавшие за Октябрьской революцией. В ноябре 1918 г. – марте 1919 г. территория края была ареной боевых действий армии Колчака и 29-ой дивизии III Красной Армии. Часть населения добровольно или насильно была мобилизована в белую армию, около 2 тыс. местных жителей аналогичным способом пополнили ряды Красной армии. Содержание воюющих сторон тяжелым бременем легло на крестьянские хозяйства. Изымались фураж, продовольствие, лошади, домашний скот, упряжь. В марте 1919 г. Красная армия окончательно оставила Пермьский край. Колчаковцы ликвидировали советские учреждения, объявили о возврате земель и имущества прежним хозяевам, установили повышенные налоги, начали взимание недоимок за 1916-1918 гг. Бесчинствовали следственные комиссии.

После отступления в середине июня 1919 г. частей белой армии заработали следственные комиссии красных, расследовавшие связи местного населения с колчаковцами. В декабре 1919 г. для защиты новой власти от контрреволюции были созданы части особого назначения. Но в округе они не были востребованы. Первая мировая и гражданская войны привели к упадку крестьянские хозяйства. С окончанием боевых действий началось их восстановление.

В *третьем разделе* рассматривается работа по самоопределению коми-пермяцкого народа. Этот вопрос впервые был поставлен в 1920 г. при автономном устройстве коми-зырян и окончательно был решен в феврале 1925 г. Рассматривались разные варианты: объединение в составе Коми области, национально-территориальное образование по типу Карельской трудовой коммуны, швейцарского кантона, образование самостоятельной национальной области, позже округа. Причиной сложности в решении пермяцкого вопроса были несогласованные действия заинтересованных сил. Основной вектор деятельности пермяцких лидеров был направлен на создание собственной автономии. Руководство Коми области стремилось присоединить пермяцкие территории, аргументируя родственностью народов, но реально имея в виду присоединение более плодородных пермяцких земель для пополнения зернового баланса. Пермское губернское и Уральское областное руководство заняло позицию категорического отказа в передаче пермяцких волостей в Коми область и представления автономии коми-пермякам. Для завершения спора была создана комиссия ВЦИК. В сентябре

1924 г. она провела обследование края и подготовила предложения для ВЦИК, отличные от мнения народа (на пермяцкой крестьянской конференции 70 % делегатов проголосовало за объединение с Коми областью). Комиссия ВЦИК решила оставить Пермский край в составе Уральской области, выделив его в самостоятельную национальную единицу, аргументируя. Результаты работы комиссии были рассмотрены на заседании Президиума ВЦИК, а 15 января 1925 г. – на заседании Комиссии Секретариата ЦК РКП(б), на которые ни пермяков, ни зырян не пригласили. 26 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК принял решение о «выделении Пермского края в особый национальный округ, подчинив его непосредственно Уральскому исполкому». Такая форма национально-территориального образования ранее не была известна, она появилась механически по образцу административно-территориальных округов, образованных при районировании Урала.

Образование Пермского округа – компромиссное политическое решение пермяцкого вопроса. Была создана видимость национальной автономии в виде округа. В 1930 г. все другие округа Урала были упразднены, а Коми-Пермский продолжал существовать, и стал примером для образования в стране еще девяти округов. На этом этапе создание округа сыграло позитивную роль в судьбе коми-пермяцкого народа. Пермяки Чердынского и Соликамского уездов объединились в рамках единого этнического и административно-территориального образования, повысился статус территории, было привлечено внимание руководства страны к проблемам коми-пермяков, увеличились объемы капиталовложений в экономику. Значима роль образования округа и в этнокультурном развитии коми-пермяков.

В *четвертом разделе* анализируется состояние экономики края накануне преобразований. Исследованы система землепользования, материальная база земледелия, доходность крестьянских хозяйств, уровень сельскохозяйственного производства. Так как развитие промышленности в первые годы Советской власти происходило в основном с использованием труда крестьян, а доля дохода крестьянского хозяйства от неземледельческих занятий составляла 40%, в работе исследовано состояние промышленности, лесоразработок, охоты, рыболовства, сбора лесных и болотных ягод.

В регионе насчитывалось около 29 тыс. крестьянских хозяйств. В среднем на одно хозяйство приходилось по 17 га земель сельскохозяйственного назначения. Лесистость и суровый климат делали северную часть края менее привлекательной для земледелия. Там плотность населения составляла 2,7 чел. на 1 кв. км, в то время как в южной части колебалась от 15 до 17 чел. В крае преобладало общинное землепользование. На хуторах и отрубях в 1922 г. размещались только 44 хозяйства.

Преобладающими системами земледелия у коми-пермяков было трехполье на удворных землях и залежно-шутемная – на окольных землях. В некоторых районах имела место гарево-лесосечная система. Послевоенные годы осуществлялся переход к многополью. Основу материальной базы земледелия составлял рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. Доля рабочих лошадей составляла 81 % (по Уралу – 77 %). Это объяснялось значением гужевых перевозок неземледельческого характера (лесоразработки,

извоз). Главными орудиями обработки почвы служили сохи, косули и сабаны. В 1917 г. на каждые 100 хозяйств их приходилось 97. Телег практически не имелось. За первые годы Советской власти больших изменений в технической базе земледелия не произошло.

Доходность крестьянских хозяйств, по данным налогового учета в 1924 г. составила от 13 до 20 руб. на 1 едока. Налог составлял от 16 до 22%, что в условиях отсталости края было разрушительно. Тем более, что в этот период четко выступала его социальная направленность. Основная масса крестьянских хозяйств была маломощной, но именно она определяла облик коми-пермяцкой деревни.

Главной задачей земледелия в этот период являлось производство зерна для внутреннего потребления, поскольку хлебозаготовок в крае как в потребляющем районе до 1927 г. не проводилось. В 1920-1923 гг. производилось зерна на душу населения немногим более 1,5 ц., в то время как в 1916 г. – около 5,8 ц. За годы войны посевные площади сократились на 46 %.

Второй по значимости отраслью являлось животноводство. Оно давало крестьянам тягловую силу, продукты питания, сырье для изготовления одежды, хозяйственных предметов, удобрения. Но его развитие лимитировалось ограниченностью кормовой базы. Заливных лугов в крае практически не было, а лесные поляны зеленых кормов давали недостаточно. Ежегодно заготавливалась лишь $\frac{1}{4}$ часть сена от потребностей. Его недостаток компенсировался соломой.

В составе продуктивного скота преобладал крупный рогатый скот. Он относился к типу северного комолого скота, мелковесного и малопродуктивного, но жирномолочного и неприхотливого. К 1920 г. поголовье КРС по сравнению с 1916 г. сократилось на 41 % и составило 44 тыс. голов. В 1922 г. в крае было произведено 16 тыс. тонн молока и КРС дал около половины производимого мяса. 45 % мяса приходилось на свиней и 6-7 % на овец. Овцы давали шерсть и овчину, имевшие товарное значение. Птицеводство в крае было развито слабо. Пчеловодство было исключительно бертьевым, в годы гражданской войны было основательно подорвано.

Природные условия приводили к тому, что сельскохозяйственный труд не обеспечивал прожиточный минимум пермяка. С продвижением к северу округа роль сельского хозяйства уменьшалась, а значение неземледельческих занятий возрастало. Для обеспечения нужд промышленности ежегодно привлекалось около 600 крестьян. Кустарными промыслами в крае занимались 4 тыс. человек, в лесозаготовки и сплав ежегодно вовлекали 11-12 тыс. крестьян. В 1920 г. было зарегистрировано около 1400 охотников-промысловиков, 6300 охотников-подсобников. Рыболовство, сбор грибов, ягод носили потребительский характер. В отличие от земледельческой зоны России, коми-пермяцкий крестьянин занимался практически всеми видами хозяйственной деятельности, но вследствие разрухи и неурожая показатели экономического развития были низкими.

В *пятом разделе* рассматриваются социально-политические преобразования в коми-пермяцкой деревне. Организационную работу по ее экономическому и социальному развитию после гражданской войны взяли на

себя парторганизации. Предлагалось в связи с малограмотностью населения открыть в крае совпартшколу, развернуть подготовку руководящих кадров, начать перевод политической литературы на пермяцкий язык. Одной из важнейших политических задач в деревне партийные органы считали приобщение женщин-пермячек к новой жизни. С этой целью практиковалось проведение женских и делегатских собраний. С 1921 г. стали организовываться женотделы, проводившие агитационную, организационную, санитарно-просветительскую работу.

Наряду с решением политических проблем национальной интеллигенцией проводилась работа по повышению уровня национального самосознания пермяков. Систематически проводились пермяцкие вечера (коми рыттэз), сельские сходы, хлебные недели.

Для решения вопросов в области просвещения в сентябре 1920 г. была открыта Пермская инструкторская коллегия. Началась работа над пермяцкой письменностью. За ее основу был принят заимствованный у коми-зырян молодцовский алфавит. В конце 1921 г. был издан пермяцкий букварь, положивший начало комизации школы - обучению детей на родном языке. В 1922-1923 гг. сформировался литературный кружок, давший основу развитию коми-пермяцкой литературы. Первый съезд культурных сил края (март 1923 г.) подвел некоторые итоги комизации школы, развития культуры, одобрил коми-пермяцкий литературный язык. В алфавит были введены буквы "Л", "Ф", "Х", "Ц", "Щ". Это сблизило иньвенский и верхне-камский диалекты и облегчило усвоение русского языка.

В эти годы стала формироваться сеть культпросветучреждений. В июле 1923 г. в крае работало 6 народных домов, 5 изб-читален, 3 клуба и музей. С образованием округа была открыта Кудымкарская типография, издававшая газету "Гöрись". В 1924 г. было образовано общество «Долой неграмотность» с 37 ликпунктами. Ликвидация неграмотности проходила на родном языке. В 107 начальных школах и 5 школах повышенного типа обучалось 8,2 тыс. детей. Но для обучения детей не хватало учителей, знавших язык. Крайне мало было учебников: в 1921-1925 гг. из печати вышли только 8 национальных учебников. Но в целом работа по комизации способствовала не только усвоению знаний, но и поднимала уровень национального самосознания коми-пермяков.

Довольно слабо в крае было поставлено лечебное дело. Поэтому широко были распространены социально-бытовые и инфекционные заболевания. Квалифицированная медпомощь могла быть получена только вне края. Ее отсутствие восполнялось народной медициной. За 4 года после гражданской войны были открыты 4 больницы, 5 приемных покоев, 12 ФАПов, в которых работало 6 врачей и 32 человека среднего медперсонала. Население с большим трудом привыкало к медицине. Поэтому большое значение придавалось санитарному просвещению. Оно проводилось через школу, на собраниях, путем посещения жилищ, через работу с женщинами.

Неотъемлемой частью хозяйства и культуры края являлись средства связи. В 1923 г. в Кудымкаре открылась райконтора связи, а в райцентрах

почтовые отделения. С 1923 г. в каждом сельсовете выделялись почтальоны.. Телефонная и радиосвязь вошли в быт пермяка в 1925 г.

В начале 1920-х гг. началась подготовка руководящих кадров. В июле 1923 г. при Усольской совпартшколе была открыта пермяцкая секция. В Пермской совпартшколе обучались 11 чел., Пермском университете – 24 коми-пермяка. Работа по национально-культурному возрождению края в начале 1920-х гг. стала давать положительные результаты.

Вторая глава посвящена исследованию коми-пермяцкой деревни в 1921-1928 гг. В восстановлении экономики округа в годы НЭПа можно выделить два периода. Первый – 1921-1923 гг. – застой из-за отсутствия финансовой помощи и разрушительного воздействия налоговой политики. Второй – 1924-1928 гг. - характеризуется позитивным воздействием рычагов НЭПа и быстрым восстановлением экономики крестьянских хозяйств. В *первом разделе* проанализированы материалы о развитии края в условиях НЭПа. Население края ощутило НЭП осенью 1921 г., когда произошла либерализация цен, начала активизироваться торговля. Начало НЭПа в Пермском крае совпало с активизацией движения за национальное самоопределение коми-пермяцкого народа. Оно болезненно воспринималось пермским губернским руководством, и НЭП оказался удобным инструментом подавления национального движения. В край были введены два продотряда, которые силой изымали у крестьян натуральные налоги. За невыполнение заданий производились аресты: за «игнорирование продналога» были препровождены в тюрьму более 200 человек. Произвол продорганов дополнился партийными репрессиями. Часть коммунистов вынуждена была покинуть родные места. Ф.Г. Тараканов направил в Наркомнац письма, в которых просил направить в Кудымкар независимую комиссию для расследования бесчинств пермских продработников. «В противном случае мы оставляем за собой право обращаться в Коминтерн», - завершал он третье письмо. Наркомнац попросил разобраться находившегося в Перми в качестве уполномоченного В.П. Ногина, который при посещении Усоля и Кудымкара освободил узников тюрьмы и арестных помещений.

Но пермские власти не спешили закрывать пермяцкий вопрос. Пока существовала неопределенность в статусе пермяцких территорий, ставки налогов были выше сопредельных районов. 20 %-ная скидка, введенная в связи с недородом 1921 г., в 1922-1923 гг. населению Пермского края представлена не была. Чрезмерные налоговые поборы сдерживали развитие сельского хозяйства в крае. Население голодало. Увеличились заболеваемость и смертность. Пермский губисполком, продолжая считать, что пермяцкие территории в любой момент могут быть переданы в Коми область, воздерживался от капиталовложений в экономику края, что обусловило отставание его экономического развития.

В начале 1924 г. в Кудымкаре было открыто агентство Чердынского окружного банка, которое обеспечивало продвижение кредитов. Кредитование сельских товаропроизводителей шло через кооперативы. Определенную роль в восстановлении сельского хозяйства играла помощь государства в виде кредита и субвенций. Бюджетные ассигнования на нужды сельского хозяйства

составляли 6-7 % окружного бюджета и направлялись на племенное дело и сортообновление. Сельхозкредит в 1927/1928 г. был освоен в сумме 200 тыс. руб., что приходилось в среднем по 10,5 руб. на одно хозяйство. Учитывая цены того времени, размеры финансовой поддержки не оказывали ощутимого воздействия на экономику.

В животноводстве, благодаря введению новых хозяйственных отношений, уже в 1926 г. был восстановлен дореволюционный уровень поголовья скота, а в 1928 г. достигнуты наивысшие показатели по численности КРС, свиней, овец, птицы. Рост поголовья скота позволял увеличивать производство животноводческой продукции на 20-25 % по сравнению с 1925 г. Прирост животноводческой продукции в 1926 г. составил 6 %, а в 1928 г. – только 3 %. Очевидно замедление темпов роста.

Экономическое укрепление хозяйства обусловило изменения в социальной структуре деревни. В этот период прослеживается тенденция к сокращению малопосевных хозяйств и увеличению хозяйств с посевом более 6 га. В руках середняков, которых в округе стало 47,6 % (на Урале 68 %), к 1928 г. было сосредоточено 65 % посевов, 72 % рабочего скота и 60 % коров. В 5,3 раза увеличилась пролетарская прослойка деревни. Сокращалось число хозяйств с постоянной наемной рабочей силой. Это свидетельствует о том, что в соответствии с политикой государства с конца 1927 г. в округе стали сокращаться неотъемлемые атрибуты НЭПа: аренда, наем, продажа излишков сельхозпродукции. Все, кто в какой-то степени был связан с ними, облагались повышенным налогом. В конце 20-х гг. ставка на бедноту перешла в разряд государственной политики. Бедняки и батраки принимались в партию и выдвигались на руководящую работу. В 1928 г. 33 % крестьянских хозяйств, как бедняцких, были освобождены от уплаты сельхозналога, а на 12 % хозяйств, отнесенных к зажиточным, было перенесено 2/3 суммы сельхозналога округа. В 1928 г. его размер возрос по сравнению с 1927 г. на 50,4 %.

Кредитная и налоговая политика государства в восстановительный период была направлена на разрушение деревенской общины путем организации столкновения зажиточных крестьян с беднотой.

Второй раздел посвящен анализу кооперативного строительства в крае. В 1920-е гг. оно стало одним из важных элементов системы преобразований в стране. Кооперативное строительство началось с развития потребкооперации, т.к. она была знакома населению края. В 1922 г. кооперативы работали в каждом волостном центре. Но вследствие небольшой плотности населения, дисперсности населенных пунктов, отсутствия дорог, недостатка специалистов-кооператоров по охвату населения пермяцкая кооперация отставала от губернских показателей в три раза.

С 1923 г. потребкооперация начала работу в сельском хозяйстве. Через ее систему доставлялся сельхозинвентарь, семена. В августе 1925 г. был создан окружной Союз сельхозкооперации. Его учредителями стали 53 сельхозкооператива, объединявшие 3700 крестьянских хозяйств (13 %). В крае преобладали универсальные кооперативы (48 %). Благодаря организаторской работе партийных и советских органов темпы кооперирования возрастали. В октябре 1927 г. в округе насчитывалось 113 кооперативов с охватом 31 % крестьянских хозяйств.

В марте 1928 г. III окружной съезд Советов провозгласил приоритетное развитие производственной кооперации. В результате специальной кампании уровень кооперирования достиг 44%, в округе функционировали 208 сельскохозяйственных кооперативов. Наиболее массовыми были кредитные кооперативы и машинные товарищества. Медленнее развивались специальные виды кооперации: полеводческие, животноводческие, мельничные, кузнечные. Их насчитывалось 40. Резкое снижение числа универсальных кооперативов было вызвано их переводом на устав сельхозартели.

По уровню сельскохозяйственного кооперирования округ отставал от соседних территорий. В январе 1928 г. партийные органы организовали «доведение до народа» материалов XV съезда ВКП(б). Поэтому уже весной 1928 г. начался бурный рост сельхозартелей. На 1 мая в сводке по коллективизации значились 4 коммуны, 33 артели и 14 ТОЗов с охватом 470 хозяйств. Из других видов кооперации в округе функционировали кустарно-промысловая, охотничья, жилищная и инвалидная, в которых было учтено около трех тысяч членов. Процесс кооперирования в округе во всех видах кооперации проходил с запозданием по сравнению с соседними территориями.

В *третьем разделе* анализируются проблемы общественно-политического развития. В середине 20-х гг. в рамках государственной политики значимой была проблема коренизации аппарата управления. Считалось, что в национальных территориях на руководящие должности следует выдвигать лиц коренной национальности. Но Уралобком партии и облизполком считали, что среди коми-пермяков нет подготовленных руководителей и этот вопрос не решался. Инициативу группы активистов в виде предложения о введении двух государственных языков и создании резерва кадров для замены русских руководителей коми-пермяками, окружком партии и окрисполком не поддержали, ссылаясь на Уралобком ВКП(б). В феврале 1928 г. инициативная группа во главе с Ф.Г. Таракановым направила в обком партии записку, в которой причиной экономического и культурного отставания округа называла засилье в окружном аппарате русскоязычных руководителей. Активисты справедливо обвиняли руководителей округа в нерешительности перед Уралобкомом ВКП(б), следствием которой являлось невнимание к развитию промышленности, затягивание строительства железной дороги. Несмотря на то что в ноябре 1927 г. окрисполкомом было принято "Положение о ведущем коми-пермяцком языке", противостояние продолжалось.

В условиях утверждения административно-командной системы в стране начались гонения на сторонников коренизации – комизации. После ряда перемещений в должностях одиннадцать руководителей-пермяков были направлены на работу в другие районы области, а на их места рекомендованы русские. Решение бюро окружкома партии об отзыве группы руководителей из округа взволновало коммунистов и в декабре 1928 г. на XX Кудымкарской районной конференции все три первых руководителя округа не были избраны делегатами на окружную партконференцию и позже были отозваны в

распоряжение Уралобкома ВКП(б). Государственная политика коренизации аппарата в округе не удалась. С изгнанием из округа наиболее активных руководителей-пермяков комизация остановилась. Хотя к этому времени уже были очевидны определенные успехи в реализации политики коренизации. В 70 % начальных школ детей обучали на родном языке. В президиумах райисполкомов, бюро РК ВКП(б) 2/3 составляли лица коренной национальности. Во всех организациях прием граждан вели коми-пермяки. Газета "Гöрись" частично перешла на родной язык.

В соответствии государственной политикой перевода письменности нерусских народов на латинскую графическую основу в марте 1930 г. была проведена окружная конференция по латинизации, а в октябре – съезд культурных сил округа с целью обсуждения вопросов латинизации алфавита. IV окружной съезд (февраль 1931 г.) одобрил план латинизации. На местах создавались кружки по изучению взрослыми нового алфавита. Окроно сформировало 40 авторских коллективов, которые в сжатые сроки должны были подготовить новые учебники, одновременно разрабатывая грамматические основы применения нового алфавита. Но планы издания учебников постоянно срывались.

1934-1935 гг. были для школы трудными годами. Успеваемость по русскому и родному языкам снизилась до 40 %, увеличился отсев учащихся. Подтвердились опасения педагогов относительно применения латиницы. Но их возражения не принимались в расчет окружным руководством. Оно выполняло распоряжения Уралобласти. В Коми-Пермяцком округе латинизированный алфавит просуществовал до августа 1938 г., пока не был утвержден коми-пермяцкий алфавит на русской графической основе. Тем временем шло уничтожение и без того малочисленной национальной литературы и учебников. Только в 1936 г. под предлогом чистки библиотек от устаревшей литературы было уничтожено 16 тыс. книг на родном языке. Прошла чистка учительского корпуса. Из 716 учителей это звание подтвердили только 152 (21 %), условно были допущены к работе 431 (60 %), отстранены 132.

Ошибочные, по существу, указания по латинизации легли в основу тупикового развития национальной школы. Из-за кампании переиздания учебников в условиях крайне слабой полиграфической базы и непринятия народом нового шрифта развитие школы было задержано на 8-10 лет. Аналогичная обстановка была с комизацией государственных учреждений и хозяйственных органов. В вопросах экономического и общественно-политического развития округа, несомненно, имелись достижения, но репрессии по делу коренизации – комизации и латинизации алфавита значительно затормозили развитие социально-территориального образования, поскольку была ограничена степень его свободы в наращивании емкости среды обитания социума.

В **третьей** главе "Коллективизация сельского хозяйства в Коми-Пермяцком округе" *первый раздел* посвящен осуществлению официальной политики партии, выработанной на XV съезде ВКП(б). В качестве метода реализации партийных идей анализируется налоговая политика государства и

ее практическая реализация в округе. В 1928/1929 гг. было введено прогрессивно-подходящее обложение, размер которого увеличился вдвое, появилось индивидуальное налогообложение наиболее крепких крестьянских хозяйств. Налог превратился в мощный рычаг коллективизации. В Коми-Пермяцком округе налог с середняцкого хозяйства с 7 руб. в 1926/1927гг. возрос до 11 руб. в 1928/1929 гг. Еще более контрастным стал налог с зажиточных хозяйств: обложенные налогом в индивидуальном порядке платили в среднем по 167 руб. Методику градации крестьянских хозяйств Наркомфин СССР секретными циркулярами возлагал на местные Советы, придавая видимость инициативы снизу. С сентября-октября 1929 г. местные органы стали руководствоваться секретными директивами. Циркуляр НКЮ СССР от 26 августа 1929 г. «Об обеспечении проведения хлебозаготовок» санкционировал применение репрессий к партийным, советским, колхозным руководителям с наказанием до 10 лет лишения свободы. Осенью и зимой 1929 г. этот механизм широко применяется в округе, создавая атмосферу страха.

К числу обязательных налоговых платежей относились также единовременный сбор на хозяйственное и культурное строительство. За нарушение сроков уплаты налогов сельсоветы могли налагать штрафы, в административном порядке описывать и конфисковать имущество, скот, семена. Поскольку обложение налогами и их взимание полностью было отнесено к компетенции сельсоветов, то на местах были нередки злоупотребления. Административный порядок взимания недоимок был заменен судебным лишь в апреле 1937 г.

В работе проанализированы формы и методы хлебозаготовок, оказавшие существенное влияние на реконструктивные процессы в коми-пермяцкой деревне. Округ всегда считался потребляющим районом и ежегодно завозил до 10 тыс. ц. зерна. В 1929 г. ему было доведено задание по хлебозаготовкам – 7 тыс. т. Первоначально было распространено мнение о невозможности его выполнения. Однако, руководители округа, зная, что излишков зерна в хозяйствах нет, объявили, что $\frac{1}{4}$ часть заготовленного зерна будет распределена среди бедняков, "с их помощью" задание было выполнено.

В благоприятном 1930 г. план хлебозаготовок был выполнен на 150 %. Но при этом за саботаж в хлебозаготовках было осуждено 67 чел., 81 чел. оштрафовано сельсоветами. План 1931 г. был доведен до 41,7 тыс. тонн. Исследования показали, что в 1931 г. особенно широко применялись незаконные административные меры. Практиковались штрафы, неадминистративные аресты, массовые избиения, издевательства, незаконные расстрелы. Но задание округ смог выполнить только на 90 %. В счет хлебозаготовок было вывезено большое количество зернофуража и семян. По итогам массовых нарушений закона в округе работала бригада прокуратуры РФ. Она изучила дела в судах и приостановила действие незаконных приговоров. По итогам проверки прошли судебные процессы над должностными лицами. Перед судом предстали 109 руководителей сельских советов и колхозов. За выдачу колхозникам зерна на 10 лет были осуждены 2 председателя колхоза, распущено 7 колхозов и 20 правлений колхозов. Прокуратура проводила работу формально, но она не могла восстановить законность, нарушения которой приобрели характер государственной политики. Государство считало целесообразным держать заготовительные

цены на предельно низком уровне. Это обеспечивало накопления для индустриализации страны. В последующие годы, несмотря на принятие ряда законов, ограничивающих произвол в деревне и разрешающих торговлю хлебом, административные меры продолжали оставаться главным инструментом при хлебозаготовках.

В 1932 и 1933 гг., как и в 1931 г., хлебозаготовки в округе проводились по принципу продразверстки. В 1932 неурожайном году было изъято 25 тыс. тонн зерна. В 1933 г. из-за ненастной погоды валовый сбор был значительно меньше, но хлебналог был увеличен еще на две тысячи тонн. В результате начался голод и погибло около 4 тыс. человек, 5 тыс. семей покинули округ в поисках хлеба. Голод повторился в 1936 г. в результате изъятия 58 % сбора зерна. Погибло более 10 тыс. человек. После настойчивых ходатайств перед правительством округу была выделена продовольственная ссуда. Ценой человеческих жизней в 1927-1940 гг. в счет хлебозаготовок из округа было вывезено 265 тыс. т. зерна, в то время как до 1926 г. край себя хлебом не обеспечивал. Разумеется, необходимо принимать во внимание государственные капитальные вложения. Но они не оправдывают жестокость, с которой проводились хлебозаготовки, и гибель людей из-за чрезмерных объемов изъятия зерна.

В начале 1920-х гг. традиционным источником дохода коми-пермяцкого крестьянина являлись лесозаготовки и сплав древесины. К середине 1920-х гг. привлечение добровольной рабочей силы исчерпало свои возможности и в условиях отсутствия кадровых рабочих на лесоразработках крестьян стали привлекать по закону. В конце десятилетия участие в лесозаготовках и сплаве уже не зависело от воли крестьян и превратилось в форму давления с целью вовлечения их в колхозы. В 1929/1930 г. объем лесозаготовок достиг до 2 млн. куб. метров, при кадровом персонале 250 человек. Для выполнения таких объемов ежегодно привлекалось до 15 тыс. крестьян. Поскольку добровольное участие исчерпало себя, 13 февраля 1930 г. был принят закон, предусматривающий строгую ответственность за уклонение от лесозаготовок, вплоть до уголовного преследования. Насильственное привлечение крестьян на лесозаготовки и сплав в зимне-весенний период - специфическая черта использования труда крестьян в таежной зоне. Вместо кадрового персонала, требующего специальной инфраструктуры, государству выгоднее было привлекать сезонных работников-крестьян да еще и со своими лошадьми. Применение насилия играло двоякую роль: малыми затратами выполнялись планы лесозаготовок, а единоличники вынуждены были вступать в колхозы, поскольку там задания по лесозаготовкам были значительно ниже. Административное и экономическое принуждение, уголовное наказание имели целью завершение коллективизации.

Второй раздел посвящен исследованию практики коллективизации в Коми-Пермяцком округе. В соответствии с общеполитическими установками планы коллективизации в Уральской области пересматривались несколько раз. Позиция Уралобкома партии окончательно оформилась на пленуме 25-31 декабря 1929 г. – к концу хозяйственного года довести уровень

коллективизации в области до 80 %. IV пленум Коми-Пермяцкого ОК ВКП(б) ориентировал актив на завершение коллективизации к концу 1932 г.

В конце 1929 г. особого давления на крестьян с целью вступления в колхоз не было, если не считать практику взыскания налогов. К концу декабря в округе было организовано 192 колхоза, в которых состояло 8,1 тыс. крестьянских хозяйств (28 %). Начиная с ноября, темпы коллективизации резко возросли. Если в ноябре в колхозы было вовлечено 1 тыс. хозяйств, в декабре – 4,5 тыс., то в январе 1930 г. – уже 8,5 тыс. хозяйств. Уровень коллективизации в округе достиг 58 %, что было почти на уровне среднеуральского показателя, хотя округ не относился к зерновым районам.

Высокие темпы коллективизации в округе можно объяснить как большой подготовительной работой, так и административным нажимом. Крестьяне под страхом раскулачивания вступали в колхозы. В зимой 1930 г. коллективизация проходила на фоне идущих на север округа колонн и обозов раскулаченных украинских и белорусских крестьян, конвоируемых в места спецпоселения. Это действовало лучше любой агитации. Одновременно имело место и насилие.

В течение февраля и первой половины марта в колхозы «вступили» еще 5650 хозяйств. Уровень коллективизации достиг 77,8 %. Это больше, чем по Уралу в целом. Насильственная коллективизация и полное обобществление скота привели к его массовому убою. В 1929/1930 гг. поголовье сократилось больше, чем за годы гражданской войны.

С появлением газеты «Правда» с известной статьей Сталина из колхозов начали выходить наиболее крепкие хозяева, а позже начался массовый отлив. В конце марта-апреля колхозы покинули 13 тыс. хозяев. К осени 1930 г. в 183 колхозах остались 8040 крестьянских хозяйств, или 28 %. В соседних округах и по Уралу в целом спад оказался еще больше. Можно заключить, что оставшийся уровень коллективизации - 28 % - показывает число хозяйств осознанно и добровольно вступивших в колхозы. Анализ социальной структуры членов колхозов говорит о наличии в них в основном бедняцких хозяйств и неполных семей. Все вступившие в колхозы по принуждению или из страха перед репрессиями при первом удобном случае покинули их. Вступление в колхоз и выход из него для крестьянина означало трагедию из-за обобществления основных средств. В сводках окротдела ОГПУ при расследовании причин отлива из колхозов вышедшие крестьяне указывали бесхозяйственность в колхозах: плохой уход за скотом, ненадлежащее хранение семян, плохую организацию труда, отсутствие платы за труд. Перегибы в колхозном строительстве стали предметом обсуждения на районных и окружной партконференциях в мае 1930 г. Ответственный секретарь окружкома И.А. Артемов был освобожден с работы, проработав в должности 10 месяцев.

Майский (1930 г.) пленум ОК ВКП(б) рассмотрел вопрос об укреплении колхозов и в качестве приоритетных задач наметил подготовку кадров для колхозов, организацию участков, бригад и ферм, учета труда и распределения доходов. Обращалось внимание на необходимость работы с единоличниками по вовлечению их в колхозы, предлагалось широкое обсуждение нового Примерного устава сельхозартели, закона и партийных документов по

льготам для колхозов и их членов. Для подготовки кадров в 1930 г. в Кудымкаре был открыт сельскохозяйственный техникум. На курсах готовили счетоводов, учетчиков, табельщиков, бригадиров, животноводов. Председателей колхозов обучали в Перми, Свердловске, Москве.

Весной и летом 1930 г. проводились мероприятия по совершенствованию организационной структуры колхозов, что позволило лучше организовать труд колхозников и его учет. Проводилось разукрупнение колхозов с выделением производственных участков и бригад и переводом их на хозрасчет. В период полевых работ вводились нормы выработок, тарифные сетки, внедрялась сдельная оплата и единый показатель трудового участия – трудодень. Укреплялась материальная база колхозов. В 1930 г. на развитие сельского хозяйства округа было выделено 325 тыс. руб. (на 13 % больше, чем в 1929 г.). Эти средства в основном выделялись на механизацию. В Юрлинский льносовхоз начали прибывать сельхозмашины и трактора.

На укрепление колхозов была направлена чистка и перестройка партийной и комсомольской сети по производственному признаку, а также активизация работы общественных структур: групп бедноты, секций Советов, депутатских групп, женских делегатских собраний. Это привело к постепенному восстановлению некоторых распавшихся колхозов и росту численности дворов в сохранившихся колхозах. На 1 января 1931 г. уровень коллективизации поднялся до 31 %. За три месяца прирост составил около 1 тыс. хозяйств. На 1 октября в колхозах состояли 16,1 тыс. крестьянских хозяйств или 56 %. Темпы прироста в округе были ниже, чем на Урале. I съезд колхозников округа в октябре 1931 г. констатировал, что в колхозах объединено 52 % пашни, 48 % рабочего скота, 36 % КРС. В конце 1932 г. в округе уровень коллективизации достиг 60,5 %. В целом по Уралу коллективизация охватила 66,4 % крестьянских дворов, а по СССР – 60 %. В округе колхозы приняли исключительно артельную форму.

Новый импульс коллективизации был дан на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросу о коллективизации и единоличнике в июле 1934 г. На нем было объявлено о начале завершающего этапа коллективизации. В августе-сентябре 1934 г. правительство повысило ставки ЕСХН для единоличных хозяйств, ввело единовременный налог, удвоило нормы обязательных поставок сельхозпродукции. Коллективизация в округе в 1933-1934 гг. проходила сложно. Голод 1933 г. заставил вступить в колхозы 2000 хозяйств, а в 1934 г. в поисках хлеба уехали из округа 5 тыс. семей.

Меры экономического принуждения и агитационная работа позволили увеличить темпы коллективизации. Большой приток в колхозы произошел в 1935 г. – 4853 хозяйства. По данным Нархозучета в округе вне колхозов оставались 4,7 тыс. крестьянских хозяйств. На 1 января 1938 г. в 505 колхозах значилось 26 тыс. крестьянских хозяйств (89,3 %). Колхозы объединяли 97 % посевных площадей, их доля в хлебопоставках составила 98,5 %.

В 1940 г. в округе насчитывалось 519 колхозов, в которые было вовлечено 28,7 тыс. хозяйств, что составляло 98 %. Социалистический сектор объединял почти 100 % посевных площадей. В единоличном секторе оставалось 588 хозяйств, у которых пашня составляла в среднем 0,19 га на

хозяйство – около половины площади личного приусадебного хозяйства колхозника. В сельскохозяйственном производстве они большой роли не играли.

Таким образом, в течение 1929-1940 гг. сельское хозяйство округа было полностью переведено на социалистические рельсы. По охвату крестьянских хозяйств, основным площадям, обобществлению скота, поставкам сельхозпродукции колхозы стали всеобъемлющими.

Третий раздел посвящен анализу практики ликвидации кулачества как класса в округе. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. дало старт раскулачиванию, а Инструкция по ее применению вышла только 4 февраля 1930 г., когда раскулачивание шло полным ходом. 24 января агитпропотдел Уралобкома ВКП(б) снабдил окружкомы секретной инструкцией по практическому осуществлению новой политики. По этому документу в Коми-Пермяцком округе к первой категории кулацких хозяйств было отнесено 85 хозяйств, главы которых подлежали немедленному аресту, а хозяйства – раскулачиванию и выселению. Ко второй группе относились 100 хозяйств. Они выселялись на север в порядке принудительной колонизации. К третьей группе отнесено 500 крестьянских хозяйств. Поскольку сверху были расплывчато указаны признаки хозяйств, подлежащих к раскулачиванию, а решения принимались группами бедноты и сельскими сходами, то в сельсоветах накопились списки на раскулачивание более 1 тыс. крестьянских хозяйств. Пока разрабатывались инструкции, в округе шло массовое раскулачивание. Помимо планового контингента раскулачивание проводилось за убой скота, за факты продажи зерна, кустарных изделий, за антиколхозную агитацию, за участие в гражданской войне на стороне белых, за самогоноварение. Но большинство крестьян было раскулачено согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота».

Анализируя эти решения, можно заключить, что они не были случайными. Поэтому нет оснований называть их перегибами. Раскулачивание проводилось в рамках последовательной политики. По другому нельзя объяснить разорение в январе 1930 г. 193 крестьянских хозяйств. Все они прошли через суды до официального признания политики раскулачивания. Стоимость конфискованного имущества составила в среднем 800 руб. на хозяйство, а согласно постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г. к кулацким разрешалось относить хозяйства, в которых помимо факта прямой или косвенной эксплуатации, размер дохода превышал 1500 руб.

Большинство нарушений закона имело место в январе-феврале 1930 г. На 20 марта помимо хозяйств первой категории были раскулачены 630 хозяйств, многие из которых выселены в северные районы округа. Часть раскулаченных семей оставалась в домах соседей и до, утверждения решения райисполкома исполкомом окружного Совета, не выселялась. В райисполкомах и окрисполкоме были образованы комиссии по рассмотрению жалоб, которые должны были пересмотреть дела, имевшиеся в производстве. Не подлежали пересмотру дела выселенных крестьян. В марте-апреле окружная комиссия рассмотрела 415 дел и восстановила в гражданских правах членов 137 семей. Им разрешалось возвращать имущество.

Восстанавливались в правах члены семей, раскулаченные по причинам, не связанным с сопротивлением коллективизации. Пересмотр дел не означал изменение политики. В связи с массовым недовольством крестьян раскулачивание временно приостановилось, что было вызвано появлением ряда партийных документов. Но ЦК руководствовался не гуманными соображениями, его волновала судьба посевных работ, которая из-за репрессий оказалась на грани срыва.

Основным нарушением при раскулачивании в округе следует считать раскулачивание крестьян вне зависимости от темпов колхозного строительства. Согласно закону раскулачивание должно было проводиться в районах сплошной коллективизации. Округ к таким районам не относился. На основании директив Уралобкома партии, окружком и окрисполком дали первую директиву на раскулачивание при уровне коллективизации 15 %. Она попала и в те сельсоветы, в которых колхозов еще не было. Поэтому раскулачивание в округе превратилось в средство коллективизации.

С осени 1930 г. был сделан упор на экономические меры воздействия на единоличников: индивидуальное обложение налогом, привлечение на лесозаготовки, сплав, дорожно-строительные работы. На это ориентировало закрытое письмо Уралфинуправления от 16 июля 1930 г., по которому финорганы обложили в индивидуальном порядке 807 хозяйств – в 6 раз больше, чем в 1929 г. Экспроприация крепких хозяйств проходила в виде изъятия имущества в счет погашения долгов. Следовательно, изменения в политике раскулачивания не произошло, менялись только формы принуждения к вступлению в колхозы.

С февраля по октябрь 1931 г. прошла новая волна раскулачивания. На местах были созданы тройки для принятия решений по раскулачиванию. Оно проводилось по причинам уклонения от погашения недоимок, за отказ от выполнения повинностей, за несанкционированную продажу продуктов на рынке. По неполным данным в 1931 г. было экспроприировано 258 хозяйств, 237 из которых выселены в спецпоселки округа.

В 1932-1934 гг. прошел третий, заключительный этап ликвидации кулачества. Несмотря на то, что правительство дважды запрещало массовые выселения кулаков, оно параллельно спустило разрядки на раскулачивание. В округе в этот период по разным мотивам раскулачено около 1 тыс. хозяйств.

На положение крестьянства округа особенно пагубно сказалась реализация постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 г. «О развертывании социалистического животноводства». Принудительное обобществление скота при создании животноводческих ферм подталкивало крестьян к убою скота. Циркуляр НКЮ РСФСР от 8 февраля 1932 г. разрешил применять к крестьянам, забивающим скот ст. 79 УК РСФСР (Умышленное повреждение или истребление колхозного имущества). Следовательно, они автоматически попадали под конфискацию имущества и выселение. Такое же наказание ожидало крестьян, осужденных за хищения. По закону от 7 августа 1932 г. до конца года только в трех судах из шести было осуждено 187 человек, 11 из которых приговорены к расстрелу.

В 1933-1934 гг. за вредительство были осуждены сотни крестьян, у которых полностью или частично конфисковывалось имущество и назначено поражение в правах. Под суд попадали бригадиры, конюхи, телятницы за гибель колхозного скота, машинисты за поломку техники, председатели колхозов за разбазаривание зерна.

Чистки колхозов от кулаков и вредителей «поставляли» новый контингент для наказаний. Всего за 1930-1934 гг. по нашим подсчетам раскулачено до 2,5 тысяч крестьянских хозяйств, в то время как к кулацким в округе можно было отнести не более 125, хотя они к таковым по признакам, определенным правительством, не относились.

В диссертации освещается формирование и функционирование пенитенциарной системы округа, и ее роль в процессе переустройства коми-пермяцкой деревни. Секретным циркуляром от 24 января 1930 г. Уралоблисполком известил Коми-Пермяцкий окрисполком о подготовке мест для выселенных 3 тыс. бывших кулаков из Белоруссии и Украины. С конца января под конвоем шли колонны и обозы спецпереселенцев.

Местные власти не были готовы к приему большого количества людей. Так как готового жилья не было, спецпереселенцев приводили в отведенные места среди лесов и болот и приказывали располагаться вокруг забитого кола. На 1 апреля 1930 г. в Гайнском, Косинском и Кочевском районах скопилось 10 тыс. спецпереселенцев. Они размещались в шалашах и землянках. Поскольку леспромхозы могли обеспечить работой только третью часть трудоспособных, то и на паек могли рассчитывать только они. Зимой 1930 г. из-за голода и морозов погибло 40 % спецконтингента.

Летом 1930 г. началось строительство жилья. Отводились земли на песчаных островках среди болот. Жизнь в спецпоселках ничем не отличалась от пребывания в лагерях. Все административные функции в спецпоселках выполняли комендатуры ОГПУ. К началу 1933 г. в спецпоселках были сосредоточены более 30 тыс. бывших кулаков: украинцев, белорусов и местных коми-пермяков. В спецпоселках было построено около 1,5 тыс. упрощенных домов.

Для жизнеобеспечения спецпереселенческая семья могла иметь 0,15 га огорода, 2 га сенокосов и 0,3 га пашни, но таких площадей вокруг поселков не было. С августа 1931 г. спецпереселенцам разрешалось держать скот, а с ноября 1932 г. – создавать неуставные сельхозартели. Государство централизованно снабжало их семенами, выделяло кредиты на устройство и приобретение инвентаря. В 1934 г. посевы спецпереселенцев составили 2200 га. Для работы в поле и лесу в спецпоселках было 345 лошадей.

Голод 1933/1934 г. тяжело сказался на спецпереселенцах. Подсобные предприятия ЛПХ не обеспечивали их потребностей в продуктах. Поэтому последовала массовая гибель спецпереселенцев. Это послужило поводом для обследования спецпоселков правительственной комиссией. По ее решению в 1934 г. большинство спецпереселенческих семей было переведено на стройки в гг. Березники, Соликамск, Красновишерск. В округе осталось 1665 семей, из которых около 600 семей были заняты в неуставных сельхозартелях.

Правовым актом, признающим полноправие спецпереселенцев, было закрытое постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». По этому закону молодежь, достигшая 16 лет, не ставилась на учет в комендатуре, получив паспорта, могла покинуть спецпоселки.

К концу 1937 г. в округе оставалось 1315 хозяйств спецпереселенцев. В спецпоселках функционировало 16 неуставных сельхозартелей, в которых состояли 1180 семей. В 1938 г. все неуставные артели были переведены на нормальный устав сельхозартели. Их члены получили равные с местными колхозниками права, за исключением права выезда из спецпоселка.

Раскулачивание сыграло решающую роль в реорганизации сельского уклада жизни, ибо оно имело целью сломить крестьянское сопротивление коллективизации. Для коми-пермяцкой деревни принудительный труд спецпереселенцев и проживание на одной территории с ними служило постоянным напоминанием о том, что может произойти в случае послушания властям, и способствовало формированию зависимого поведения. Совместное проживание коми-пермяков со спецпереселенцами – людьми других национальностей, иных культур, иного статуса накладывало отпечаток на сознание коми-пермяка и обогащало его путем взаимопроникновения культур.

Четвертая глава "Крестьянский быт и социальная сфера деревни в 1930-е гг.". В первом разделе рассмотрены изменения в быте коми-пермяцкого крестьянства в результате социалистической реконструкции деревни. В Коми-Пермяцком округе в 1100 сельских населенных пунктах проживали в среднем по 140 человек, т.е. деревни были малочисленными, и население проживало дисперсно.

Усадьба в коми-пермяцкой деревне в 1930-е гг. претерпела изменения. Рядом с ней появился хоздвор, называемый оградой. В ней под одной крышей размещались погреб, амбары, а в задней части – скотный двор и конюшни. Такое расположение усадьбы отвечало природно-климатическим условиям: зимой не попадал снег, а осенью не заливало дождем. Главным элементом усадьбы являлось жилище. В условиях сложившегося хозяйственного уклада и природно-климатической среды наиболее распространенным в коми-пермяцкой деревне оказалось трехкамерное рубленое жилище варианта изба-сени-клеть, которое размещалось перед двором вдоль улицы.

Некоторые изменения в быте были связаны с рационализацией использования жилой площади избы: уменьшение размеров печи, использование многофункциональных сидений, неоднократное использование вечернего стола, удаление несезонной одежды в клеть, продуктов длительного хранения – в подклеть и погреб.

Главным источником питания коми-пермяков было личное подсобное хозяйство. Огород 0,25-0,3 га в основном засаживали картофелем. В больших количествах выращивали капусту, брюкву и редьку. Лука, чеснока, моркови и свеклы обычно хватало на два-три месяца. В 95 % семей всегда не хватало хлеба. Колхоз не мог гарантировать выдачи его в необходимом количестве. Выручал картофель. Его подмешивали в тесто, и половина семей питалась таким хлебом. В средних пермяцких семьях скот держали в достаточном

количестве, но мясо и молоко в пищу попадало мало, т.к. сдавалось в счет госпоставок колхоза и шло на продажу в потребкооперацию с целью выручки денег для нужд семьи. В достатке у крестьян-пермяков имелись лишь два продукта: картофель и квас. Они и служили основой питания.

Одежду крестьяне изготавливали сами из льна и овчин. Основная рабочая и бытовая обувь – лапти. В конце 1930-х гг. в быт крестьян начали входить покупная одежда и обувь. Школа, библиотеки, клубы, кино оказывали положительное влияние на изменения в быте крестьян.

Второй раздел главы освещает внутренние противоречия в коми-пермяцкой деревне. Государство проводило коллективизацию в принудительном порядке, и поэтому уполномоченные государства стали главными объектами негодования крестьян. Политика ликвидации кулачества породила вражду среди односельчан. Общинные традиции не поддерживалось государством, чтобы не получить коллективное сопротивление. Ряд обстоятельств усиливали разлад в деревне. Во-первых, кулацкий вопрос разделил ее на группировки, которые противостояли друг другу и ставили целью добиться ключевых постов в колхозе и сельской администраций. Во-вторых, процветала практика доносов властям, которая одобрялась советским режимом. И, наконец, бандитизм, нападений на активистов, милиционеров, на фермы, склады колхозов. Членами этих группировок были рядовые крестьяне, которые считали, что такое сопротивление коллективизации адекватно действиям государства. Говоря о ненависти к преобразованиям, следует отметить, что в основе крайних форм лежало сведение счетов с активистами за ранее нанесенные обиды. Эти причины послужили поводом для применения крайних мер в 1930-1935 гг. к 26 организаторам колхозного строя. Анализ 16 архивных уголовных дел показал, что в 70 % случаев конфликты, приведшие к печальному исходу, были инициированы пострадавшей стороной. Естественно, она защищала интересы государства, шедшие в разрез с интересами крестьян.

Более мягкой формой сопротивления крестьян было сведение счетов с обидчиками силами самого государства. Доносы о проступках должностных лиц в 1930-е гг. стали новым элементом деревенской культуры. Донительство применялось с целью ослабления позиций противостоящей группировки, занимавшей ключевые посты в колхозе. Руководящие должности позволяли распоряжаться колхозным имуществом, льготами, хотя имелся повышенный риск. Такое стало возможным с распадом общинных структур и с появлением в колхозной деревне экстремальных мер в форме исключения из колхозов, доносов о злоупотреблении властью, связях с врагами народа, о кулацком происхождении.

Третий раздел посвящен анализу изменений в институциональной системе отношений в деревне. Коллективизация внесла серьезные коррективы в ценностные ориентации колхозников. В 1930-е гг. были разрушены общинные традиции, которые служили в воспитательных целях. Отток молодых людей в город способствовал распаду деревенских семей, изменению гендерных стереотипов. В деревне увеличилось число беспризорных детей, престарелых, внебрачных связей, нередко были случаи

детоубийств. Матери-одиночки составляли большую прослойку в коми-пермяцкой деревне.

Другой аномалией колхозной деревни являлось воровство. Традиционный крестьянский менталитет не позволял брать то, что ему не принадлежит. Но жизнь показала, что крестьянин в разных ситуациях может поступать по-разному. Если крестьянин никогда не крал у соседа, то в колхозе он мог воровать не стыдась, даже зная о законе, предусматривавшем за хищения 10 лет лишения свободы или расстрел с конфискацией имущества. В основе раздвоения морали лежало насилие государства при коллективизации. Людей насильно вовлекли в колхозы, отобрав имущество. Для восстановления справедливости крестьяне считали возможным брать у колхоза добро по частям. Впоследствии в колхозах стали работать новые поколения людей, лично не пережившие ограбления со стороны государства, но усвоившие от предыдущих поколений, что красть из колхоза можно. В этом состоит наиболее губительное последствие коллективизации.

Следует отметить еще один результат коллективизации – формирование безразличия крестьян к колхозным материальным ценностям. Для решения этой проблемы был издан ряд законов, предусматривавших строгое наказание. Однако они были малоэффективны, превращались в орудие давления руководителей на колхозников. Произошла деформация морали как у руководителей, получивших право издеваться над колхозником, так и у крестьян, усвоивших иждивенческую психологию. Коллективизация сформировала новый тип взаимоотношений между начальником и крестьянином. Первые в силу сложившейся практики получили неограниченную власть над колхозниками. Поэтому в деревне шла постоянная борьба за руководящие посты. Престижными считались должности в сельской администрации, т.к. они решали вопросы разверстки, выполнения налогов, выдачи паспортов. В распоряжении начальства был большой набор мер воздействия на крестьян: побои, штрафы, арест, конфискация скота, имущества, исключение из колхоза. Насилию государства в ходе коллективизации крестьянин не смог ничего противопоставить, поэтому считал возможным сопротивляться пассивно. При этом вырабатывалась двойная мораль по отношению к семье, детям, к колхозной технике, инвентарю, скоту.

В *четвертом разделе* выполнен анализ изменений в социальной жизни коми-пермяцкой деревни к концу реконструктивного периода. Решающее значение в социальном развитии края сыграло образование в 1925 г. национального округа. Коллективизация внесла изменения в социальную структуру коми-пермяцкой деревни. Если в доколхозной среде имела только небольшая прослойка интеллигенции, а все другие виды несельскохозяйственных работ выполняли крестьяне, то к концу реконструктивного периода, по переписи 1939 г., в отдельную группу выделились рабочие – 14,1 %, служащие – 12,2 %. В следствие отъезда на стройки преимущественно мужчин нарушился баланс между мужской и женской частями населения.

Оплата труда в колхозе вместе с доходами, получаемыми от ЛПХ и лесоразработок, позволила улучшить материальное положение хозяйств. В структуре доходов преобладала доля доходов с ЛПХ и, несмотря на ограничительную политику государства, и темпы их роста увеличивались. Рост доходов колхозников коррелируется с ростом покупательской способности и объемом товарооборота потребкооперации. С 1932 по 1940 гг. на душу населения он возрос в 2,7 раза, потребление продовольственных товаров - в 2,5 раза, промышленных – в 1,7 раза. Примерно в четверти колхозных семей появились свободные деньги, которые размещались в сберкассах. В 1940 г. в среднем на одного вкладчика приходилось по 290 руб. (рост по сравнению с 1932 г. в 3 раза).

Часть выплат колхозы осуществляли через общественные фонды. Они выделяли средства на строительство и содержание школ, детских яслей, садов, клубов, на пенсии инвалидам, красноармейцам. С 1935 г. были введены оплачиваемые отпуска беременным женщинам.

В колхозный период укрепилось финансовое состояние округа. Его бюджет значительно возрос и составил в 1940 г. 23 млн. руб. Основными статьи расходов шли на образование (60%) и здравоохранение (21%). Это позволило осуществить начальный всеобщий, увеличить охват детей семилетней и средней школой (40%). В 1940 г. в Кудымкаре был открыт учительский институт, функционировали 4 техникума. Для детей младшего дошкольного возраста работали 152 детских сада, половину из них содержали колхозы.

Бюджет системы здравоохранения за 1934-1940 гг. возрос в 5 раз. В округе были организованы 11 больниц, 7 зубных и 18 трахомонозных кабинетов, вендиспансер, 55 фельдшерско-акушерских пунктов, в которых работали 33 врача и 350 медработников средней квалификации. Профилактическая и лечебная работа позволила ликвидировать оспу, снизить заболеваемость социально-бытовыми заболеваниями. В 1940 г. на бюджете здравоохранения состояло 33 постоянных и 160 сезонных яслей. Это позволило освободить женщин для работы в общественном производстве. В 1936 г. были введены социальные пособия многодетным семьям.

В деле социального развития колхозной деревни значительное место отводилось учреждениям культуры: клубам, библиотекам, избам-читальням, музею. В 1931 г. был основан национальный драмтеатр, который ежегодно ставил спектакли до 300 раз.

Во второй половине 1930-х гг. в округе расширилось социальное обеспечение инвалидов и престарелых. Бюджет округа в 1940 г. увеличил ассигнования на эти цели до 1,2 млн. руб. Инвалиды и престарелые колхозники в 1937-1939 гг. были переданы на попечение колхозов, тем самым на них была увеличена финансовая нагрузка.

Стала более доступной периодическая печать. Радио и телефон внедрялись по линии Наркомата связи и Наркомата леса. В школах, клубах, библиотеках появилось электрическое освещение.

С улучшением дорожной сети в округе с 1936 г. между Кудымкаром и райцентрами начались регулярные пассажирские автоперевозки. С 1934 г. для доставки пассажиров в северные районы открылось авиасообщение. Увеличились автомобильные грузоперевозки. Такое стало возможным

вследствие роста капиталовложений в развитие дорожной инфраструктуры. Важное значение имело строительство дороги Кудымкар – ст. Менделеево, связавшей округ с Транссибирской магистралью.

В годы первых пятилеток, благодаря образованию национального округа, Уралобласть уделяла внимание и выделяла больше финансов для развития социальной инфраструктуры. Это позволило улучшить материальное положение населения округа, повысить уровень образования, медицинского обслуживания. Колхозное строительство в определенной мере способствовало этому. Но при всех положительных моментах округ как социально-территориальное образование, не мог быть антиэнтропийной системой в силу неконструктивного воздействия на него со стороны государства. В колхозной деревне произошла деформация нравов и ценностных ориентаций, нравственное раскрестьянивание колхозников.

Пятая глава "Итоги социально-экономических преобразований в коми-пермяцкой деревне». В *первом разделе* освещается организационно-хозяйственное состояние колхозов и совершенствование этой работы. Коренные изменения в деревне вызвали необходимость укрепления колхозов, важным шагом в которой стало введение нового Примерного устава сельхозартели и выдача Государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей. При обсуждении и разработке уставов колхозов дискуссии разгорались в основном вокруг размеров приусадебных участков и использования лошадей для нужд колхозного двора. В период землеустройства при выдаче Государственных актов за колхозами было закреплено земли значительно больше доколхозного крестьянского землепользования. Большие площади были переведены в пашню и сенокосы из государственного резервного фонда. С выдачей актов на бессрочное пользование землей колхозы не стали ее хозяевами, собственником оставалось государство, но они получили право обращаться с землей как с основным средством производства.

Не меньшее значение в укреплении колхозов сыграла финансовая помощь государства. С 1931 г. единоличные крестьянские хозяйства были лишены господдержки, и все капиталовложения направлялись в социалистический сектор. В годы второй пятилетки финансирование сельского хозяйства по бюджету увеличилось в три раза и достигло 620 тыс. руб. Выделение ссуд колхозам увеличилось в 7 раз и составило 3 млн. рублей. Наряду с этим государство оказывало колхозам техническую поддержку. Перевооружение сельского хозяйства округа проводилось по двум каналам: через создание государственных МТС и механизацию самих колхозов. Приоритет отдавался МТС. В 1931-1937 гг. были организованы 7 МТС, которые в 1940 г. обслуживали половину колхозов и 76 % посевных площадей округа. Они играли важную роль в подъеме сельского хозяйства округа, но вместе с тем, являлись такой организационно-хозяйственной формой, которая позволяла государству диктовать колхозам определенные условия. Взаимоотношения МТС и колхозов были довольно сложными из-за растущих ставок натуроплаты.

За годы второй пятилетки, согласно решениям XVII съезда ВКП(б) (1934 г.), происходило интенсивное техническое перевооружение самих колхозов. За пять лет колхозы получили машин и инвентаря на 5,3 млн. рублей. Это позволило внедрять в колхозах новые агротехнические приемы.

Но в колхозы поступал только конный прицепной инвентарь, и многие виды сельхозработ продолжали выполняться по-старому. Механизация практически не затронула животноводство.

В результате хозяйственной деятельности колхозов и вливаний государственных средств укрепилась материальная база. Балансовая стоимость основных средств за годы второй пятилетки возросла в два раза. Улучшились финансовые показатели работы колхозов. Денежный доход в среднем на один колхоз в 1940 г. достиг 26,5 тыс. руб., но был меньше аналогичного показателя по области. Доходы колхозов в расчете на один колхозный двор составили 350 руб., что значительно меньше показателей по Свердловской области (454 руб.).

Во второй пятилетке большое внимание уделялось развитию соревнования. В соответствии с политикой государства местные органы управления и руководители колхозов благодаря соревнованию создавали такую ситуацию, при которой колхозники добровольно соглашались работать с восхода солнца и до глубокой ночи с целью выполнения большего объема работ за всеобщее признание и символическое вознаграждение. Кроме того, из года в год повышались требования к трудовому участию колхозников в общественном производстве путем применения насильственных методов: штрафов, судов, лишения приусадебных участков, исключения из колхоза. За уклонение от работы в колхозе, поломку техники, выведение из строя рабочего скота колхозники могли быть осуждены в уголовном порядке. Учитывая жесткую административную практику и практику уголовного преследования, можно считать, что главным стимулом повышения трудовой активности колхозников являлся не размер вознаграждения за труд, а страх перед наказанием.

Для организационного укрепления колхозов имела значение подготовка колхозных кадров. Большую работу провел Юсьвинский колхозный институт, готовивший бригадиров, заведующих фермами, учетчиков, счетоводов, председателей колхозов. Механизаторы готовились на курсах в МТС. Примечательно, что в 1940 г. 74 % председателей колхозов и 82 % бригадиров были лицами коренной национальности.

К концу второй пятилетки в округе были подготовлены новые колхозные кадры руководителей, специалистов массовых профессий. Но репрессии 1934-1937 гг. обрушились, прежде всего, на эту часть деревни, а потом перешли и на районное звено. Они уничтожали практически все национальные кадры и поставили экономику округа в тяжелое положение. Но задача, поставленная руководством страны, была решена: сформирован преданный режиму руководящий аппарат.

Параллельно с организационно-хозяйственным укреплением колхозов проходило наступление на права колхозов и колхозников. Колхозная демократия, провозглашенная Примерными уставами 1930 и 1935 гг., на практике существовала в ограниченном виде. Роль общего собрания и правления была сведена к нулю. Судьба колхозов полностью была в руках органов госвласти и управления. К середине 1930-х гг. колхозы утратили свои кооперативные права и стали государственными организациями. Лишились политических прав и сами колхозники. При введении паспортной системы в декабре 1932 г. они были лишены права иметь паспорта, что привязывало их к земле и придавало их труду принудительный характер.

Однако после 1933 г. вследствие бурного роста городской экономики, происходит перемещение крестьян в город. На стройки по оргнабору уезжали в основном молодые и сильные люди. В годы второй пятилетки в леспромхозы и на стройки Урала по нарядам направлялись до 20 тыс. крестьян. В этих условиях окрисполком в балансе рабочей силы показывал избыток трудовых ресурсов в 10-15 тыс. человек. В результате такой политики трудоспособное население округа с 92 тыс. в 1928 г. сократилось до 61 тыс. чел. в 1940 г. Это было раскрестьянивание в буквальном смысле слова.

Во *втором разделе* рассматривается уровень развития сельскохозяйственного производства в округе. В результате частичной механизации расширились посевные площади. В 1928 г. в округе был достигнут предреволюционный уровень. В первой половине 1930-х гг. оно достигало за счет введения в оборот залежных земель, а позже – за счет расчистки новин. В 1940 г. посевные площади достигли 160 тыс. гектаров и рост к доколхозному уровню составил в 1,8 раза. С 1935 г. началось введение 9-польных севооборотов и новых агротехнических приемов, способствующих повышению урожайности. Однако устойчивого повышения урожайности зерновых культур не наблюдалось.

В 1933-1940 гг. рост валовых сборов достигался в основном за счет экстенсивного фактора. В наиболее урожайные годы (1935, 1937, 1940 гг.) было собрано 133-138 тыс. т. зерна. Производство картофеля во второй половине 1930-х гг. снижалось, так как в политике государства приоритет отдавался зерновым культурам. Кроме зерна колхозы сдавали государству картофель, льносемена, льнотресту, волокно, сено. За годы второй пятилетки объемы поставок продукции растениеводства возросли в 6 раз, но опустошительные хлебозаготовки привели к массовой гибели людей и скота.

В животноводстве округа также произошли перемены. Численность поголовья скота к 1928 г. достигла наивысшего уровня. В годы коллективизации происходило сокращение поголовья, которое остановилось в 1934 г. на уровне 58% по КРС, 24 % по овцам и 14 % по свиньям от уровня 1928 г. Поголовье лошадей сокращалось вплоть до 1937 г. и составило 57 % к уровню 1929 г. Снижение численности скота традиционно объяснялось кулацкой агитацией. Но такой вывод верен лишь отчасти. Основной причиной была практика массового обобществления скота при коллективизации. Срабатывала крестьянская логика: больше одной головы лошади и коровы бесплатно сдавать в колхоз нецелесообразно. Убой скота перед записью в колхоз крестьяне объясняли работникам ОГПУ-НКВД сокращением поголовья личного сверхнормативного скота, чтобы «в колхоз войти равными». Поэтому убой скота перед вступлением в колхоз следует рассматривать как форму сопротивления крестьян коллективизации.

Необходимо отметить пагубные последствия для животноводства практику реализации политики "большого скачка в животноводстве". При создании колхозных ферм закон разрешал изымать личный скот и выдавать квитанции о сдаче мяса в счет мясопоставок. Это было грубым нарушением Примерного устава сельхозартели. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота», запрещавшее насилие при обобществлении скота, имело цель успокоить деревню. В результате, в

1931-1937 гг. доля продукции молочных, свино- и овцеферм в госпоставках возросла и составляла 56 % по молоку, 41 % по мясу. На долю колхозного двора приходилось 40 % и 56 %, остальное сдавалось единоличниками. Проводилась работа по повышению продуктивности скота. За эти годы в животноводство округа было вложено около 1 млн. руб. государственных капиталовложений, что способствовало развитию общественного животноводства.

Третий раздел посвящен анализу состояния личных приусадебных хозяйств колхозников. В длительной борьбе колхозников со сталинским режимом в 1935 г. колхозный двор получил официальное право иметь личное приусадебное хозяйство (ЛПХ). В отличие от трудового крестьянского хозяйства, ЛПХ предназначено для удовлетворения потребностей семьи в продуктах питания. Товарное значение получали лишь излишки продукции. Политический и экономический статус колхозного двора был закреплен в Примерном уставе 1935 г. Средний размер приусадебного участка в округе увеличивался неоднократно и в 1932 г. составил 0,12 га, а после принятия Устава – 0,3 га. В северных районах из-за недостатка пашни участки нарезались меньшей площади. На приусадебных участках колхозники выращивали картофель, овощи, корм для скота, лен и коноплю, зерно получали в колхозе на трудодни.

Государство строго ограничивало размеры приусадебных участков и количество скота. Поэтому возможности ЛПХ, несмотря на имевшийся интерес семьи, оставались небольшими. Но, тем не менее, ЛПХ спасало колхозников в голодные годы от гибели. С 1936 г. каждый колхозный двор должен был сдавать государству мяса 40 кг, молока 200 л, яиц 40 шт., шерсти 0,4 кг, картофеля 80 кг. Колхозники платили страховку на строения, землю, скот, вносили самообложение и обязывались выкупать облигации.

В июле 1939 г. была проведена кампания по массовому обмеру огородов. В округе было выявлено 2 тыс. га самовольно захваченных земель сверх установленных Уставом колхоза. Нарушители были наказаны, а земли возвращены колхозам. В 1939 г. законодательно были ликвидированы хуторские хозяйства и переселены в ближайшие деревни 1160 колхозных дворов, 126 единоличных и 20 прочих хозяйств. Эта кампания имела цель – вернуть хозяйства, находящиеся отдельно, под контроль колхоза и государства.

По количеству скота колхозный двор претерпел большие изменения. Оно также регулировалось государством. Если в период реализации политики «большого скачка в животноводстве» скот в ЛПХ сокращался наполовину, то в 1937 г. в них была сосредоточена половина КРС округа. Овец содержали 52% колхозных дворов, свиней 57% семей. В то же время 13 % дворов скота не имели совсем. В личном подворье колхозников весь скот был улучшенным и в условиях хорошего ухода имел более высокую продуктивность. Поэтому хозяйства колхозников вносили значительную часть продукции в счет госпоставок колхоза, хотя в условиях административно-командной системы изымались не только излишки, но и необходимые семье продукты.

Если при массовой коллективизации и организации колхозных ферм у колхозников насильно изымался скот, то по закону от 14 августа 1933 г. таким же образом колхозы обязывались выдавать скот бесскотным хозяйствам колхозников за 50 % стоимости. Для оплаты второй половины государством выделялся кредит. За годы второй пятилетки колхозы округа выдали колхозникам более 9 тыс. голов телок, 3 тыс. ягнят и 12 тыс. поросят. Это не было гуманным актом со стороны государства, а возможность получения дополнительной сельскохозяйственной продукции без больших вложений.

Колхозный двор в ЛПХ практически получал все необходимое для обеспечения семьи. От колхоза он ожидал зерно, солому и сено. В 1937 г. на один трудодень в колхозах округа в среднем было распределено 6,2 кг зерна, 2 кг картофеля, 8 кг соломы и 2 кг сена. Некоторые хозяйства выдавали мясо, масло, сыр, мед. Наблюдался рост доходов колхозного двора. В расчете на один двор с 1936 по 1940 гг. он возрос на 20 %, а в южном Юсьвинском районе – в 2 раза. В структуре дохода в 1940 г. доход от работы в колхозе составил 11,2 %, доход от ЛПХ – 53,5 %. Он давал около 1500 руб. Наличные деньги колхознику были нужны для уплаты страховки, самообложения, приобретения одежды, обуви и учебных принадлежностей для детей. Кроме того, в разряд налогов были возведены государственные займы.

Итак, личное приусадебное хозяйство колхозного двора стало главным источником существования семьи и поставщиком значительной доли сельхозпродукции для выполнения госзаданий по заготовкам, а потому колхозный двор эксплуатировался в два раза интенсивнее, чем единоличное крестьянское хозяйство.

Четвертый раздел раскрывает состояние единоличного крестьянского хозяйства в конце реконструктивного периода. Согласно партийным документам, объединение единоличников в колхозы в основном завершилось к концу второй пятилетки, хотя вне колхозов в округе насчитывалось около 11,5 тыс. хозяйств. Ни партийные циркуляры, ни годовые народнохозяйственные планы не содержали заданий по завершению коллективизации. Вводились ограничения, при которых единоличники могли быть приняты в колхозы.

Политика государства изменилась после специального совещания в ЦК ВКП(б) по коллективизации и единоличнику. В сентябре 1934 г. был введен единовременный налог на единоличника. Осенью 1934 г. в округе прошло сплошное обследование единоличных хозяйств, единственное за период коллективизации. Ему подверглись 9140 хозяйств. В обследуемых хозяйствах было учтено 41,2 тыс. едоков, из них в трудоспособном возрасте – по 1,8 чел. на семью. На каждый единоличный двор приходилось 2,7 га посевов. При этом 7% хозяйств никаких посевов не имели, 21% не имели лошадей, 14% - коров, 30% овец, 46% свиней. В структуре дохода единоличных хозяйств на первом месте был неземледельческий доход – 40%, земледельческий – 39% и рыночный - 21%. Сельскохозяйственный и рыночный доходы в хозяйствах уменьшались с юга на север округа.

От налога освобождались маломощные хозяйства со средними размерами дохода 106 руб. Их маломощность оказывалась следствием отсутствия трудоспособных членов семьи, а потому их не принимали в колхоз. Часть хозяйств облагалась налогом в удвоенном размере. Это были крепкие хозяйства, имевшие полевые посевы, достаточно рабочих рук и необходимое количество рабочего и продуктивного скота, но в силу различных обстоятельств, уклонявшиеся от вступления в колхоз. Они не прибегали к не одобряемым государством источникам доходов, поэтому не могли быть отнесены к кулацким. В индивидуальном порядке было обложено 46 хозяйств, или 0,5 %. Это были хозяйства, имевшие нетрудовые доходы. Учитывая завершение процесса ликвидации кулачества, следует предположить, что эту группу составляли в основном служители церкви, а не богатые крестьяне. Подавляющее большинство единоличников хозяйств облагались налогом в общем порядке. В 1935-1936 гг. новая волна коллективизации разделила их на две части. Крестьяне в условиях роста налогового давления вступили в колхозы, остальные единоличники, понимая бесперспективность колхозной жизни, усиливали связи с развивающимися леспромхозами и переходили в разряд рабочих. Эта часть единоличников прошла определенную социальную эволюцию и позже перестала быть объектом коллективизации.

Одним из рычагов давления на единоличника был приусадебный участок. Хозяйству, не желавшему вступить в колхоз, нарезался огород 0,15 га. Точку в этом вопросе поставил сплошной обмер огородов в 1939 г., когда всем единоличникам оставили также приусадебные участки. В дни обмера в колхозы вступили еще 150 хозяйств.

На принуждение вступать в колхозы была направлена кампания сселения с хуторов. Оставшиеся на земле единоличные хозяйства в полной мере испытывали "усиление налогового пресса". По закону от 3 марта 1935 г. были значительно увеличены нормы обязательных поставок продуктов сельского хозяйства для единоличников. Закон "О сельскохозяйственном налоге на 1935 г." повысил ставки для единоличников на 25 %. Это соотношение автоматически распространялось на самообложение и культсбор. В августе 1935 г. был введен единовременный налог на единоличника. Местные налоги – самообложение, культсбор и единовременный налог – в нарушение законов могли быть увеличены произвольно сельской администрацией. С недоимщиков платежи взимались в административном порядке путем описи и изъятия скота, инвентаря, семян, хозяйственных построек. В этих условиях разорвалось хозяйство единоличника, не согласившегося вступить в колхоз.

К концу 1937 г. уровень коллективизации в округе достиг 89,6 %, за пределами колхозов остались 3 тыс. крестьянских хозяйств. Но во избежание налогового пресса ими было засеяно только 530 га. Большинство хозяйств отказалось от полевого посева, сохранив лишь огороды. 92 % единоличных хозяйств не имели лошадей, 62 % - коров, 40 % овец и 60 % были без свиней, т.е. эта категория к концу пятилетки в большинстве своем уже раскрестьянилась. Но и в этом случае государство взыскало с них 1500 ц зерна, 460 ц мяса, 4 тыс. ц молока. В 1938 г. 2,3 тыс. единоличных хозяйств

сохранили только 270 га посевов. Но все равно они вынуждены были внести в счет госпоставок 100 ц зерна, 300 ц картофеля, 160 ц мяса, 90 ц молока. Правда, планы выполнялись на 40-50 %. В октябре 1940 г. в округе уровень коллективизации достиг 98 %, вне колхозов остались 588 крестьянских хозяйств, которые в основном перешли в разряд рабочих.

Таким образом, государство законодательным путем вопреки желанию крестьян разрушило веками существовавшее единоличное крестьянское хозяйство, и крестьянин-труженик насильственным путем был отторгнут от земли.

В *пятом разделе* освещаются процессы противостояния крестьян и государства в период коллективизации сельского хозяйства. Колхозное строительство в конце 1929 г. проходило в основном без особых осложнений и остановилось в декабре на уровне 28 %. Дальнейшая коллективизация в округе осуществлялась под воздействием политики ликвидации кулачества как класса. Составлением списков на раскулачивание занимались сельские советы. В январе-феврале 1930 г. раскулачивание проводилось с грубыми нарушениями норм права и превратилось в средство давления на крестьян с целью вступления в колхозы. Второй фактор, повлиявший на форсирование темпов коллективизации – это конвоируемые к месту спецпоселения в северные районы округа раскулаченные крестьяне с Украины и Белоруссии. Они напоминали коми-пермякам, что может их ожидать в случае дальнейшего сопротивления коллективизации. Благодаря активным действиям уполномоченных и 25-тысячников, уровень коллективизации в округе в середине марта достиг 77,8 %. На собраниях по организации колхозов использовалось грубое давление на крестьян. Широко применялось нарушение законов при обобществлении скота, создании колхозных ферм. Крестьян, забивших скот перед вступлением в колхоз, судили с конфискацией имущества и поражением в правах.

Отлив из колхозов, происшедший в марте-сентябре 1930 г. также следует расценить как сопротивление крестьянства. В феврале-октябре 1931 г. прошла новая волна планового раскулачивания, в результате которой были изъяты из деревни сотни крепких хозяйств. В 1932-1933 гг. прошла заключительная кампания уничтожения кулачества как класса. В течение 1930-1934 гг. были разорены 2,5 тыс. крестьянских хозяйств, часть хозяев которых были расстреляны, другие осуждены к лишению свободы, большинство выселено в северные районы.

Раскулачивание проводилось за "саботаж в хлебозаготовках", недоимки по налогам, невыполнение заданий по дорожно-строительным работам, на лесозаготовках и сплаве, хищение колхозного имущества, вредительство, антиколхозную агитацию. Доведенные до отчаяния крестьяне вынуждены были с оружием в руках уходить в леса. В округе имели место два случая организованного вооруженного сопротивления и факты применения крайних мер к активистам колхозного движения.

Для подавления сопротивления крестьян привлекались прокуратура, суды, органы ОГПУ-НКВД. К концу 1936 г. сопротивление крестьян ослабло, и коллективизация в основном была завершена. Но во второй половине 1937

г. политические репрессии обрушились на руководителей округа, районов, колхозов, на среднее звено руководства и, особенно, на рядовое крестьянство. В результате было репрессировано более 860 работников сельского хозяйства.

Репрессии над крестьянами, не имевшими никакого отношения к политике, преследовали одну цель: сломить сопротивление к режиму. К концу второй пятилетки государству удалось взять верх, крестьянство было окончательно сломлено.

В процессе коллективизации в округе была создана система подневольного принудительного труда, ориентированная не на увеличение объемов производства сельхозпродукции. Государство под страхом наказания изымало за бесценок практически все продукты крестьянского труда не только из колхозов, но и с личного приусадебного хозяйства. Колхозная система превращала крестьянина в наемного работника, работающего под страхом наказания.

В разделе особое внимание уделено анализу социальных процессов на каждом уровне иерархической структуры социально-территориального образования. В целом округ как социально-территориальное образование в 1930-е гг. не мог быть самовоспроизводящейся системой, способной расширять свою деятельность самостоятельно и автономно, поскольку режим ограничивал его свободу.

В **заключении** подведены итоги исследования. Рассматриваемый в диссертации период является временем коренных преобразований в социально-экономической жизни коми-пермяцких крестьян. В результате целенаправленных действий советского государства в Коми-Пермяцком округе за короткий срок 29 тыс. крестьянских дворов были объединены в 519 сельскохозяйственных артелей, изменивших тем самым вековой уклад деревенской жизни. При этом были порождены новые социально-экономические проблемы, которые легли в основу тупикового развития округа. Среди 89 субъектов РФ по уровню социально-экономического развития округа находятся на одном из последних мест. Отсутствие перспектив промышленного развития повлекло за собой однобокое развитие экономики и отставание социальной инфраструктуры. За годы Советской власти округ отстал в своем развитии от сопредельных территорий областей в 3 раза и стал высокодотационной территорией. Отсутствие самодостаточности предопределило утрату округом статуса субъекта РФ и объединение Пермской области и округа.

Результаты диссертации открывают перспективы дальнейшего расширения предмета исследования в хронологическом, сравнительно-историческом, историко-антропологическом аспектах, предопределяя новые темы в социально-экономической истории коми-пермяцкой деревни.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 86 публикациях общим объемом 57 печ.л., среди них:

1. Коньшин, А.Е. Роль сельскохозяйственной кооперации в преобразовании коми-пермяцкой деревни / А.Е. Коньшин // Развитие

советских финно-угорских народов: история и современность. – Сыктывкар: Изд. Коми филиала УрО РАН, 1991. 0,1 печ.л.

2. Коньшин, А.Е. Сельскохозяйственное производство в коми-пермяцкой деревне в середине 20-х годов / А.Е. Коньшин // НЭП и современность: Мат. рег. научно-практ. конф. 19 июня 1991 г. – Пермь: Изд. ПГУ, 1991. 0,2 печ.л.

3. Коньшин, А.Е. Роль машинно-тракторных станций в преобразовании коми-пермяцкой деревни. Пособие для учителя. / А.Е. Коньшин – Кудымкар: Изд. Коми-Перм. ИУУ, 1992. 0,24 печ.л.

4. Коньшин, А.Е. К вопросу о социально-экономическом преобразовании коми-пермяцкой деревни: практика хлебозаготовок 1931/1932 г. / А.Е. Коньшин // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. - Кудымкар: Кн. изд., 1993. 0,43 печ. л. Коньшин, А.Е. Влияние внешней среды на исторические изменения / А.Е. Коньшин // Время научных поисков. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,23 печ. л.

5. Коньшин, А.Е. Спецпоселки / А.Е. Коньшин // Наш край. 1995. № 7. 0,17 печ.л.

6. Коньшин, А.Е. Коми-Пермяцкий округ: единоличные крестьянские хозяйства на завершающем этапе коллективизации / А.Е. Коньшин // Коми-пермяки и финно-угорский мир. - Кудымкар: Кн. изд., 1997. 0,37 печ. л..

7. Коньшин, А.Е. Коми-пермяцкая постсоветская деревня: проблемы деэтизации / А.Е. Коньшин // Материалы VI Всемирного конгресса в г. Тампере (Финляндия) в 2000 г. - Тампере, 2000. 0,1 печ. л.

8. Коньшин, А.Е. Организация Коми-Пермяцкого округа – компромиссный путь решения пермяцкого вопроса / А.Е. Коньшин // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Кудымкар: Кн. изд., 2000. 0,2 печ.л.

9. Коньшин, А.Е. Деэтизация коми-пермяцкой деревни / А.Е. Коньшин Л.В. Зубова // Проблемы региональной экономики. Ижевск, 2001. № 1-3. 0,12 печ.л.

10. Коньшин, А.Е. Неперспективная деревня / А.Е. Коньшин // Исторический опыт российских регионов: история и современность. Пермь: Изд. ПГУ, 2002. 0,18 печ.л.

11. Коньшин, А.Е. Историография социальной истории российской деревни 1930-х годов / А.Е. Коньшин // Время становления - СПб: ИНФО-Да, 2003. 0,4 печ. л.

12. Коньшин, А.Е. Коми-пермяцкая постсоветская деревня: сельское хозяйство в трансформационных процессах реформ / А.Е. Коньшин // Славянский мир: исторический опыт и современные проблемы. Пермь: Изд. ПГУ, 2003. 0,5 печ.л.

13. Коньшин, А.Е. Окружающая среда и здоровье коми-пермяков / А.Е. Коньшин // Славянский мир: исторический опыт и современные проблемы. - Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. 0,1 печ.л.

14. Коньшин, А.Е. Судьба «кулацкой ссылки» / А.Е. Коньшин // Время становления. - СПб.: ИНФО-Да, 2003. 0,3 печ.л.

15. Коньшин, А.Е. Трагические страницы в истории коми-пермяцкого народа: голод 1933-1934 и 1936-1937 годов / А.Е. Коньшин // *Время становления*. - СПб.: ИНФО-Да, 2003. 0,3 печ.л.
16. Коньшин, А.Е. История коми-пермяцкого крестьянства 1917-1940 гг. / А.Е. Коньшин – Ижевск, 2004. 18,6 печ. л.
17. Коньшин, А.Е. История коми-пермяцкого народа / А.Е. Коньшин. Кудымкар, 2004. 22 печ. л.
18. Коньшин, А.Е. Коми-пермяки: прошлое и настоящее (к 500-летию вхождения Перми Великой в состав Русского государства) / А.Е. Коньшин // *В творческом поиске*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ. 2004. 1,0 печ. л.
19. Коньшин, А.Е. Крестьянское самоуправление в Пермской губернии / А.Е. Коньшин // *В творческом поиске*. - Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ. 2004. 0,31 печ. л.
20. Коньшин, А.Е. К теории современного аграрного развития в Коми-Пермяцком автономном округе / А.Е. Коньшин // *Краеведческий музей в современных условиях*. - Кудымкар, 2004. 0,22 печ. л.
21. *Коньшин, А.Е. Исторические пути и судьбы коми-пермяцкого народа / А.Е. Коньшин // Вопросы истории. 2005, № 4. 1,1 печ. л.*
22. Коньшин, А.Е. "Кулацкая ссылка в пенитенциарной системе Коми-Пермяцкого округа / А.Е. Коньшин // *Коми-пермяки и финно-угорский мир*. Ч. 1. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2005. 0,3 печ. л.
23. Коньшин, А.Е. Место и роль социальной истории в системе общественных наук / А.Е. Коньшин // *Коми-пермяки и финно-угорский мир*. Ч. 1. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2005. 0,14 печ.л.
24. Коньшин, А.Е. Влияние внешней среды на исторические изменения / А.Е. Коньшин // *Армия научных поисков*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,23 печ.л.
25. Коньшин, А.Е. Национально-государственное строительство и деавтономизация коми-пермяцкого народа в постсоветский период / А.Е. Коньшин // *Национально-государственное строительство коми-пермяцкого народа в документах и материалах. 1917-2006. Т. 2*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,54 печ.л.
26. Коньшин, А.Е. Национально-государственное строительство: теория и практика / А.Е. Коньшин // *Национально-государственное строительство коми-пермяцкого народа в документах и материалах. 1917-2006. Т. 1*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,62 печ.л.
27. Коньшин, А.Е. Развитие торговли и общественного питания в Коми-Пермяцком округе в 1930-40-е гг. XX в. / А.Е. Коньшин // *Время научных поисков*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,18 печ.л.
28. Коньшин, А.Е. Современное положение коми-пермяков в финно-угорском мире / А.Е. Коньшин // *Время научных поисков*. – Кудымкар: Изд. Куд. филиала УдГУ, 2006. 0,9 печ.л.

КОНЬШИН Анатолий Евдокимович

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОМИ-
ПЕРМЯЦКОЙ ДЕРЕВНИ В 1917-1940 гг.

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени доктора исторических наук